BX 605
.R4 C48

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

ОК 127
116

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ
РѢШИЛОВСКАГО ДѢЛА
И
ДЛЯ ИСТОРІИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.

И. А. Чистовича.

МОСКВА.
1862.

1060
304

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ РѢШИЛОВСКАГО ДѢЛА.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

РѢШИЛОВСКАГО ДѢЛА

И

ДЛЯ ИСТОРІИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.

И. А. Чистовича.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и Комп.
1862.

BX605
.R4C48

Печатать позволяется. Москва. Февраля 22 дня, 1862 года.
Ценсоръ Протопресвитеръ *Д. Новскій*.

(Изъ журнала «Православное Обозрѣніе» № 2.)

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ РѢШИЛОВСКАГО ДѢЛА И ДЛЯ ИСТОРІИ

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Въ Рѣшиловскомъ дѣлѣ мы дошли съ нашимъ страдальцомъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ до дверей страшной тайной канцеляріи. Дверь затворилась за нимъ, и не проницаемая тьма закрыла конецъ его печальнаго процесса. Что̀ съ нимъ дѣлалось? Какая судьба постигла прочія лица, замѣшанныя въ его исторіи?

Цѣлый вѣкъ дѣла тайной канцеляріи скрывали отъ любопытныхъ взоровъ исторію заключенія и суда, пытокъ и страданій многихъ лицъ. Наконецъ они сдѣлались доступными изслѣдованіямъ ученыхъ, и свѣту открылись несвѣтлыя дѣла.

И мы читали «сіи кровавыя скрижали», и можемъ подѣлиться съ нашими читателями тѣмъ, что̀ насъ ближе всего интересуетъ въ нихъ—окончаніемъ Рѣшиловскаго процесса въ тайной канцеляріи.

Начнемъ съ главнаго лица Ѳеофилакта и просимъ извинить насъ за повтореніе того̀, что̀ можетъ быть извѣстно чи-

тателю изъ Рѣшиловскаго дѣла. Мы надѣемся, что читатель, интересующійся этимъ дѣломъ, въ повтореніяхъ уже извѣстныхъ ему событій, встрѣтитъ новыя лица, новые узлы и вообще много любопытныхъ подробностей о характерѣ и образѣ дѣйствій какъ подсудимыхъ, такъ ихъ слѣдователей и доносщиковъ.

I.

Ѳеофилактъ ужь былъ въ тайной канцеляріи въ 1731 году. Читатели Рѣшиловскаго дѣла помнятъ, что когда онъ просилъ позволенія писать противъ Буддея, его позвали въ Москву. Здѣсь онъ познакомился съ тайной канцеляріей, которая взяла съ него сказку, что онъ противъ Буддея писать не станетъ, и никому объ этой сказкѣ говорить не будетъ.

Что за причина такого запрещенія, и почему тайная канцелярія приняла такое участіе въ этомъ дѣлѣ?

Теперь для насъ это ясно.

Тайную канцелярію взволновалъ Рибейра, или Ѳеофанъ изъ-за Рибейры.

Патеръ Рибейра, бывшій въ Москвѣ при испанскомъ посланникѣ, герцогѣ лирійскомъ, познакомился съ нѣкоторыми нашими духовными лицами, между прочимъ съ архимандритами Ѳеофиломъ Кроликомъ и Евѳиміемъ Колети.

Поводомъ къ сближенію было, вѣроятно, то, что оба архимандриты были прежде за границей, могли объясняться на иностранныхъ языкахъ и интересовались иностранными событіями (*).

(*) «Нѣкоторые изъ синодальныхъ членовъ—пишетъ Берхгольцъ подъ 26 дек. 1727 г.—люди очень образованные и ученые, въ особенности архіепископы новгородскій и псковскій, и еще одинъ по имени Кроликъ,

Первый познакомился съ Рибейрою Кроликъ, проживавшій въ ту пору безъ всякаго дѣла въ Новоспасскомъ монастырѣ. Это была упавшая знаменитость духовнаго круга. Что̀ было причиной его паденія, мы не знаемъ. Но для связности разсказа вспомнимъ его прежнюю исторію.

Съ 1716 по 1722 г. онъ находился за границей въ Прагѣ, для перевода Буддеева нѣмецкаго лексикона на русскій языкъ. По возвращеніи въ Россію, опредѣленъ былъ въ синодъ ассессоромъ и посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха. Въ слѣдующемъ году, послѣ назначенія чудовскаго архимандрита Ѳеофилакта Лопатинскаго въ тверскіе епископы, государь приказалъ поставить на его мѣсто въ архимандриты Ѳеофила, и почти сряду за тѣмъ назначилъ его синодальнымъ совѣтникомъ. Ѳеофилъ оставался въ синодѣ по 16 декабря 1726 г., «а съ того числа, по синодальному опредѣленію, велѣно ему быть при своемъ токмо монастырѣ». Въ мартѣ 1727 г., по указу изъ верховнаго тайнаго совѣта, синодъ выбралъ его и отправилъ, вмѣстѣ съ троицкимъ протопопомъ Иваномъ Семеновымъ, въ верховный т. совѣтъ съ духовной стороны къ сочиненію уложенія. Но еще до начала дѣйствій законодательнаго собранія онъ получилъ другое назначеніе. Въ маѣ 1727 года, по указу изъ верховнаго совѣта приказано было отправить его къ русскому войску, идущему за границу на помощь цесарцамъ, «и ради искусныхъ съ чужестранными духовными людьми поступковъ». Это ужь опала (*). Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ

который говорилъ на многихъ языкахъ и между прочимъ довольно свободно объясняется понѣмецки». Русск. перев. Аммона. Ч. 4., стр. 113.

(*) «Который указъ—писалъ Кроликъ, — хотя и не безъ малой печали могъ быть мнѣ, для того, что по трудныхъ долгихъ службахъ моихъ, чрезъ дальное и бывшему чину моему не зѣло приличное странствованіе,

другой указъ, которымъ велѣно было отрѣшить его отъ чудовской архимандріи, и уступить ее прежде бывшему архимандриту Геннадію (*).

Вслѣдствіе перемирія между державами, вспомогательное войско не вступило за границу; а потому Ѳеофилъ остался въ Москвѣ. Чудовскій архимандритъ предложилъ ему гостепріимство въ своемъ монастырѣ: но Ѳеофилъ отказался, стѣсняясь своимъ новымъ положеніемъ передъ братствомъ (**), и пріютился въ Новоспасскомъ монастырѣ. Тутъ-то онъ встрѣтился и познакомился съ Рибейрой, котораго и рекомендовалъ потомъ новоспасскому архимандриту Евѳимію Колети. Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Анны, Ѳеофилъ опять сталъ на ноги, хоть и не надолго. Высочайшимъ указомъ 16 сент. 1730 года велѣно было опредѣлить его ар-

---

лишалъ меня хоть соразмѣрнаго, трудомъ снисканнаго и надѣеннаго домашняго при архимандріи покоя: однако яко сынъ послушанія въ исполненіи того указа подписался со всякимъ покореніемъ и радостію, что хотя въ такомъ чину, бывшую мою вѣрную службу къ блаженной памяти высокимъ предкамъ имѣлъ случай продолжать къ ново тогда Богомъ избранному и счастливо начавшему владѣніе его И. Величеству».

(*) «Понянутой указъ—продолжаетъ Кроликъ—съ какимъ умерщвленіемъ, горестію и стыдомъ не токмо исполнять, но и слышать мнѣ прилучилося, хотя довольно изобразить трудно, ибо прежде того въ подобные короткіе походы отправляемые архіереи, архимандриты, іеромонахи и простые священники, не токмо честей своихъ лишаемы не бывали, но и вящшемъ ихъ императорскихъ величествъ призрѣніемъ снабдѣвались, а я такъ сильнымъ указомъ не въ послѣднемъ степени поставленъ безъ суда и примѣру изверженъ. Но и тотъ тяжкій указъ съ послушаніемъ я исполнилъ во всякой терпѣливости, и якобы въ важныхъ проступкахъ уже сужденъ, обличенъ и осужденъ, уступилъ архимандрію ему Геннадію».

(**) «И остался я,— продолжаетъ Ѳеофилъ,—яко граждански или натурально умершій безъ всякаго призрѣнія; первое въ томъ, что яко запрещенному и чина священнослуженія непоказано;—второе, что ни кельи,

химандритомъ въ Новоспасскій монастырь на мѣсто Евѳимія, переведеннаго въ Чудовъ.

Жизнь предшественника его по Новоспасскому монастырю разнообразнѣе и богаче приключеніями.

Когда царевичъ въ 1710 г. былъ за границей, то, не имѣя при себѣ русскаго священника, пригласилъ греческаго. Это и былъ Ливерій (Елевѳерій) Колети, учитель греческой школы въ Але. Въ ту пору проживалъ въ этомъ городкѣ «для обученія наукъ» сынъ графа Ив. Ал. Мусина-Пушкина Платонъ-Мусинъ-Пушкинъ. Кажется, онъ-то и рекомендовалъ его царевичу. Это было еще до сочетанія бракомъ Алексѣя Петровича. Царевичъ пригласилъ его въ Россію и рекомендовалъ И. А. Мусину-Пушкину и митрополиту Стефану, для опредѣленія въ школу, или гдѣ имъ будетъ потребенъ (*). «А какъ онъ Стефану митрополиту явился,—продолжаетъ самъ Колети въ своемъ показаніи,—и тогда оный Стефанъ митрополитъ опредѣлилъ его на обученіе поповыхъ дѣтей въ Москвѣ въ греческую школу; а потомъ,—а въ которомъ году не упомнитъ,—по письму государя цесаревича пріѣхалъ онъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Изъ С.-Петербурга онъ отправился съ царевичемъ въ Германію. Какъ былъ царевичъ въ Карлсбадѣ, въ ту пору былъ ему духовнымъ. А потомъ царевичъ изъ

ни пропитанія ему не назначено, яко забвенному извергу, что и въ великихъ винахъ, не токмо духовнымъ, но и свѣтскимъ злодѣямъ по правамъ промышляется для самого Бога и должнаго къ ближнему сострадания. А я при неимуществѣ моемъ живу и питаюся у тѣхъ, которые своимъ благосердіемъ и моимъ прошеніемъ на то подвинуты».

(*) «И покамѣсть его не опредѣлятъ—писалъ онъ къ своему духовнику Якову Игнатьеву—домомъ также и жалованьемъ, изволь ему дать по разсмотрѣнію денегъ; такожь первые дни покамѣсть сыщетъ себѣ гдѣ жить, и буде будетъ васъ просить, благоволи его у себя подержать, дондеже обрящетъ мѣсто покоищу своему. Изъ Торуня, 23 янв. 1712 г.»

Карлсбада поѣхалъ, а его оставилъ въ Берлинѣ у Александра Головкина, и онъ у Александра Головкина просился въ Венецію видѣть свои сродники и провѣдать гдѣ мать, которая въ полону. И бывъ въ Венеціи и тамъ исправя свое дѣло, просилъ пашепорта у агента Беклемишева, и въ томъ пашепортѣ просилъ, чтобъ написать его имя не поиомъ, и поѣхалъ до Берлина чрезъ Нюренбергъ. А въ Эренбергѣ, гдѣ сидѣлъ государь царевичъ, онъ былъ, а провѣдалъ онъ, объ немъ чрезъ почталіона за три мили до Эренберга. А у него царевича не бывалъ, и его не видалъ. И былъ тамъ два дни, и поѣхалъ почтою къ Нюренбергу, а оттуда въ Берлинъ. А какъ изъ Берлина поѣхалъ въ Венецію, заѣхалъ въ Шверинъ, и тутъ Ивана Аѳанасьева (царевичева камердинера) видѣлъ и спрашивалъ онъ его, откуда онъ пріѣхалъ? И онъ, Ливерій, сказалъ, что изъ Берлина къ царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ поклониться. И Иванъ его спросилъ: гдѣ государь-царевичъ обрѣтается? И онъ ему сказалъ, что онъ не знаетъ и хочетъ идти въ Венецію. И Иванъ Аѳанасьевъ говорилъ ему: Возможно ли тебѣ царевича сыскать? И онъ, Ливерій, ему, Ивану, сказалъ, что русскому человѣку сыскать невозможно; а ежели я поѣду, то того искать могу. И онъ, Иванъ, его спросилъ: Хочешь ли идти къ царевичу? И онъ сказалъ, что готовъ. И далъ ему 200 червонцевъ, да цифирную азбуку, да къ царевичу письмо. И поѣхалъ къ тому царевичу, и приказалъ учинить, чтобъ онъ по той цифири писалъ о томъ къ Ивану и ко другимъ. А тое цифирную (азбуку) велѣлъ отдать ему царевичу, а гдѣ взялъ не знаетъ и собиралъ-де онъ изъ календаря, и сочинялъ тое азбуку съ нимъ вмѣстѣ онъ попъ обще (*).

(*) У Ивана Аѳанасьева показаніе полнѣе. «Тутъ въ Шверинѣ, по нѣ-

(Это было въ началѣ 1717 года). И царевича онъ не видалъ. А гдѣ онъ былъ, про то онъ вѣдалъ, и желалъ было у него быть, да въ крѣпость не пустили. И онъ попъ тѣ азбуки и письмо сжогъ; а словесно отъ него (Ивана Аѳанасьева) приказу не бывало.» Иванъ Аѳанасьевъ познакомился въ Шверинѣ съ Александромъ Лопухинымъ и разсказалъ ему о бѣгствѣ царевича и о посылкѣ къ нему Ливерія. Поэтому и у Ливерія спрашивали въ послѣдствіи: не видался ли и онъ съ Лопухинымъ въ Шверинѣ? Ливерій отвѣчалъ, что видѣлъ его уже какъ пріѣхалъ изъ Венеціи въ

которыхъ недѣляхъ, пришелъ ко мнѣ попъ Ливерій, который бывалъ у царевича въ Саксоніи на время, послѣ былъ въ Торунѣ, потомъ и здѣсь. Спросилъ я его: Откуды ты пріѣхалъ и зачѣмъ? Сказалъ онъ мнѣ: Изъ Берлина нарочно поѣхалъ посѣщать солдатъ русскихъ, которые по мѣстечкамъ въ Пруссахъ живутъ; и сюда-де пріѣхалъ, хочу просить царевну, чтобы она меня ко двору своему къ церкви приняла; и былъ-де я у нее и обѣщаетъ-де жалованье малое; хочу-де ѣхать опять въ Берлинъ. Сталъ меня спрашивать: Гдѣ-де нынѣ царевичъ? Я ему сказалъ: не знаю. Я-де слышалъ, что онъ въ Цесаріи. Я его спросилъ: не желаешь ли ты къ нему ѣхать? И онъ сказалъ мнѣ: Я-де желаю ѣхать да нечѣмъ проѣхать. Спросилъ его: Сколько тебѣ денегъ надобно? И онъ сказалъ: Самъ ты вѣдаешь, каковъ-де дешевъ проѣздъ здѣсь живетъ. Посулилъ ему сто червонныхъ и онъ сказалъ, что мало. Далъ ему двѣсти. Сіе учинилъ для того, что царевичъ будучи, въ Питербургѣ, при отъѣздѣ объ немъ упоминалъ: когда бы-де въ то время былъ со мной Ливерій, то бы я безъ крестовой службы не былъ. Того ради я Ливерія и отправилъ. Въ то же время учинили мы съ нимъ общую азбуку: одну онъ взялъ, которую я велѣлъ отдать царевичу, другую я къ себѣ взялъ. А сдѣланы были тѣ азбуки, которую я здѣсь взялъ, у дьячка Воронова на кружкѣ мѣдномъ. Съ того кружка онъ списалъ себѣ на бумагѣ, а мнѣ кружокъ отдалъ, который я тамъ же въ Шверинѣ изломалъ, по которой азбукѣ мы съ нимъ обѣщались переписываться. Да съ нимъ же, Ливеріемъ, послалъ я письмо къ царевичу, въ которомъ я писалъ только: отправилъ Ливерія и далъ ему двѣсти червонныхъ. А на словахъ ему, Ливерію, о себѣ приказывалъ, что ѣхать не смѣю, чтобъ не поймали.»

третій разъ (*). А такихъ словъ, что онъ бывалъ въ Тиролѣ, видѣлъ изъ людей царевичевыхъ одного человѣка, не говаривалъ и крукка мѣднаго (о которомъ показывалъ Аѳанасьевъ) онъ не видалъ. А азбуки цифирныя они сочиняли вмѣстѣ съ нимъ, Иваномъ, и по тѣмъ только знали писать они одни съ Иваномъ Аѳанасьевымъ. А Александру Лопухину такихъ словъ, что онъ былъ у царевича одинъ день, и царевичъ его опять отпустилъ, не говаривалъ и у царевича не былъ. А сказывалъ только, что извѣстенъ объ немъ, что обрѣтается въ Эренбергѣ. А пріѣхалъ въ Берлинъ къ Александру Головкину и сказывалъ, что царевичъ обрѣтается въ Эренбергѣ; а того, что Иванъ Аѳанасьевъ его къ царевичу отправилъ и далъ ему червонныхъ и цифирныя азбуки, по которымъ имъ переписываться, ему Александру не сказывалъ.»

Все это Ливерій показалъ въ С.-Петербургѣ, въ розыскѣ, тайной канцеляріи по дѣлу царевича.

Но какъ его показанія являлись не со всѣмъ невинными и, главное, рознили съ показаніями Большова Аѳанасьева, то кабинетъ рѣшилъ 4-го марта (1718 г.): лишить его священства, и въ сущей правдѣ имъ розыскивать.

Съ трехъ розысковъ (5, 8 и 11-го марта) (**) Ливерій показалъ, что у царевича, какъ онъ былъ въ бѣгахъ, онъ не бывалъ и его не видалъ, а ѣздилъ онъ, чтобы его сыскать и жить у него, царевича. А думалъ, чтобъ его уговаривать по прежнему къ отцу. А Иванъ Аѳанасьевъ въ застѣнкѣ на очной ставкѣ его уличалъ: «Посылалъ онъ Иванъ его Ливе-

---

(*) Лопухинъ показывалъ: «Когда попъ греческій привезенъ въ Шверинъ, сказывалъ многимъ, что въ Тиролѣ былъ и видѣлъ изъ людей царевичевыхъ одного человѣка, а кого—не сказалъ.»

(**) *Устряловъ*, Ист. П., т. VI, стр. 182, примѣч. 22.

верія къ царевичу, чтобъ онъ его сыскалъ и былъ при немъ, а не въ томъ образѣ, чтобы его возвратить, и сказывалъ ему онъ, Иванъ, за секретъ, что царевичъ ушелъ и не возвратится, чтобъ онъ ѣхалъ къ нему и жилъ при немъ, царевичѣ.» Ливерій крѣпко держался своего показанія, что «Иванъ Аѳанасьевъ посылалъ его въ ту мѣру, чтобъ при царевичѣ жить и переписываться съ нимъ, а его намѣреніе было не такъ, какъ Иванъ ему сказывалъ, и хотѣлъ царевича уговаривать, чтобъ онъ ѣхалъ назадъ къ отцу.»

Удовольствовавшись показаніями Ливерія, съ трехъ розысковъ, министры приговорили (16 марта, 1718 г.): попу Ливерію, за вышеписанныя его всѣ вины, и что онъ слышалъ отъ Ивана Аѳанасьева о царевичѣ—что онъ въ бѣгахъ и къ нему, царевичу, поѣхалъ, взявъ 200 червонныхъ, и цифири составлялъ съ нимъ, Иваномъ, обще, по которымъ хотѣлъ переписываться, о чемъ онъ съ розыску во всемъ повинился,—учинить наказаніе и сослать вѣчно въ Соловецкій монастырь; (Петръ прибавилъ) «въ тюрьму» (*). «Исполненіе по этому указу поручено было монастырскому приказу, т. е. Мусину-Пушкину, который медлилъ отправленіемъ Ливерія цѣлые 4 мѣсяца. Ливерій въ это время нашелъ милостивцевъ: но либо просить было рано, либо просьбы остались безплодными,—и потому онъ долженъ былъ отправиться въ ссылку.

Милостивцы, однакожь, нашли свое время для просьбы. Въ 1721 г., февраля 17, молодые Кантемиры, сыновья стараго князя Дмитрія Кантемира, подали государю прошеніе отпустить къ нимъ Ливерія (**).

«Державнѣйшій и Всемилостивѣйшій Царь Государь.

«Понеже прежде бывый у насъ, нижайшихъ Вашего Цар-

(*) Дѣла царевича. Картонъ VII, № 118.

(**) Кабинет. дѣла, отд. II, кн 55.

скаго Величества рабовъ, учитель іерей Настасій Кондонда, который училъ насъ еллино-греческаго, латинскаго и итальянскаго языковъ, Высочайшимъ Вашего Царскаго Величества изволеніемъ и повелѣніемъ взятъ въ службу Вашего Царскаго Величества то мы чрезъ четыре уже мѣсяца безъ всякаго ученія пребываемъ, инаго же означенныхъ языковъ совершенно искуснаго (учителя) имѣть не можемъ. И тако онаго лишены суще, припадаемъ къ Высочайшимъ Вашего Царскаго Величества стопамъ, и всепокорно просимъ, дабы (аще возможно есть) милостивѣйше соизволилъ повелѣтъ на нашъ пароль отдать іерея Ливерія Колетія, которой по указу Вашего Царскаго Величества, въ Соловецкой монастырь сосланъ, понеже онъ вышереченный языковъ предовольно искусенъ: и когда-либо Ваше Царское Величество отъ насъ его востребовать изволитъ, мы всегда готовы его поставить»

Вашего Царскаго Величества
Государя нашего всемилостивѣйшаго
всенижайшіе рабы
Матвѣй Кантемиръ.
Константинъ Кантемиръ.
Сербанъ Кантемиръ.
Антіохъ Кантемиръ.

1721, въ 17 день февраля.

Старый князь Дмитрій Кантемиръ, съ своей стороны, просилъ письмомъ кабинетъ-секретаря Макарова подать эту «суплику» дѣтей его въ удобный часъ Его Царскому Величеству, и какое Его Царское Величество отвѣтствіе будетъ, безъ увѣдомленія его не оставить» (*).

Успѣхъ просьбы превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Кан-

(*) Кабинет. письма, отд. 2, кн. 55.

темиры вывели Ливерія изъ тюрьмы; а Конкопди, въ ту пору епископъ и синодальный членъ,—подалъ ему руку подняться въ синодъ. Мы забыли сказать, что Ливерій въ Соловецкомъ монастырѣ вступилъ въ монашество и названъ Евѳиміемъ (*). Такъ все пошло заново, какъ будто Ливерія и на свѣтѣ не было.

Въ царствованіе Петра II оказаны были милости всѣмъ приверженцамъ царевича. Въ числѣ ихъ былъ и Евѳимій Колетій. Въ 1730 г. мы встрѣчаемъ его ужь новоспасскимъ архимандритомъ.

Тутъ онъ познакомился съ Рибейрою;—въ послѣдствіи онъ говорилъ, что Рибейру въ первый разъ привелъ къ нему Кроликъ; но и самъ собою онъ встрѣчался съ нимъ на обѣдахъ у герцога.

Однажды, пришедши къ Евѳимію, Рибейра показалъ ему Буддееву книгу съ бранью на православную Церковь, и съ ругательствами на покойнаго Стефана Яворскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго. Рибейра сказалъ при этомъ, что онъ ужь написалъ и отвѣтъ Буддею и издастъ его на латинскомъ и русскомъ языкахъ, но затрудняется русскимъ переводомъ. Евѳимій вызвался перевесть его сочиненіе на русскій языкъ, и точно съ листъ перевелъ самъ, а остальные отдалъ для перевода іеродіакону Скрыпицыну и ученику московской академіи Красильникову по найму.

Такъ какъ дѣло касалось, между прочимъ, синодальнаго вицепрезидента Ѳеофилакта, то Евѳимій, полагая услужить

(*) Въ послѣдствіи Ливерій показывалъ: «въ монашескій чинъ постриженъ онъ въ Соловецкомъ монастырѣ по отсылкѣ его въ тотъ монастырь спустя съ годъ и болѣе, до бытности въ томъ монастырѣ архимандрита Варсонофія, по прошенію его Елѳерія того монастыря намѣстникомъ—а имени его не упомнитъ-де—казначеемъ Германомъ.»

ему, свезъ къ нему Буддееву книжку. Вмѣстѣ съ нимъ былъ у Ѳеофилакта архимандритъ Платонъ Малиновскій, который ѣхалъ было въ Кіевопечерскій монастырь, но, непринятый братствомъ, остался пока въ Москвѣ, гдѣ и получилъ новое почетное назначеніе.

Въ разговорахъ съ ними тверскій архіепископъ сказалъ, что онъ также будетъ писать противъ Буддея, и просилъ оставить у него Рибейринъ экземпляръ его книги, надѣясь извиниться передъ нимъ при слѣдующемъ свиданіи. Вскорѣ послѣ того онъ увидался съ Рибейрой на обѣдѣ у испанскаго посланника, и еще разъ просилъ позволенія попользоваться его книгой, пока можно будетъ. Рибейра позволилъ, съ любезностію. «Гдѣ вы взяли эту книгу?» спросилъ Ѳеофилактъ?—Купилъ въ Нѣмецкой слободѣ, отвѣчалъ Рибейра.

Послѣ коронаціи въ августѣ 1730 г., Ѳеофилакта уволили изъ синода. Въ то же время уволены ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ и коломенскій митрополитъ Игнатій Смола—звѣзды минувшаго царствованія. Ѳеофанъ былъ въ апогеѣ своего величія, стоялъ на высотѣ недостижимой.

На мѣсто уволенныхъ членовъ, въ синодъ назначены новые: крутицкій архіепископъ Леонидъ, нижегородскій Питиримъ и суздальскій Іоакимъ; изъ архимандритовъ: новоспасскій Евѳимій Колети и ипатскій Платонъ Малиновскій. Евѳимій вскорѣ (26 сент.) переведенъ былъ въ Чудовъ монастырь, а на его мѣсто въ Новоспасскій—Ѳеофилъ Кроликъ. Рибейра продолжалъ бывать у нихъ и пользовался ихъ услугами въ своихъ литературно-богословскихъ трудахъ. Въ 1730 г. онъ напечаталъ свой отвѣтъ Буддею, на одномъ латинскомъ языкѣ.

Въ слѣдующемъ 1731 году Ѳеофилакта, какъ мы сказали уже, потребовали въ Москву, въ тайную канцелярію, и взяли

съ него сказку, что онъ противъ Буддея писать не будетъ. Послѣ того дѣло опять, повидимому, затихло. Въ началѣ слѣдующаго года дворъ переѣхалъ въ С.-Петербургъ; синодъ тоже. Евѳимій и Платонъ оставались синодальными членами попрежнему.

Эпизодически входятъ въ эту исторію еще нѣсколько лицъ, не имѣющихъ отношенія къ Рѣшиловскому дѣлу, случайно попавшихъ въ эту сѣть.

В. К. Тредьяковскій,—безъ него нигдѣ не обойдется,—возвратясь изъ путешествія за границей, почувствовалъ въ себѣ вдругъ силу генія и началъ проявлять его съ странностію, свойственною такого рода геніямъ; свелъ знакомство съ московскою академіей—прежнимъ своимъ гнѣздомъ—и бывалъ у ректора Германа Концевича

Однажды встрѣтился съ нимъ въ Запконоспасскомъ монастырѣ архимандритъ Платонъ Малиновскій. Слово за слово.—Кто вы и откуда? спрашивалъ Платонъ. «Студентъ В. К. Тредьяковскій,—рекомендовался піита,—бывалъ въ чужихъ странахъ, произошолъ разныя ученія, слушалъ и философію.» Платонъ скоро увидалъ, изъ-за какого моря эта птица. «По разговору оказалось, говорилъ онъ послѣ, что эта философія самая атеистическая, якобы и Бога нѣтъ.»

Въ другой разъ Малиновскій встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ, у невскаго архим. Петра Смѣлича. Въ компаніи были синодальные члены, и было пѣніе: пѣвчіе пѣли концертъ великомученицы Екатерины. Послѣ того Тредьяковскій, вынувъ у себя тетрадь, подалъ Ѳеовану. Тотъ велѣлъ Тредьяковскому прочесть ее вслухъ. «А въ ней были писаны стихи, зовомые сатиры, и въ оныхъ написана была укоризна на великороссійскихъ богословія учителей, якобы

они ничего не знаютъ, только какъ прочтутъ «Камень Вѣры», то въ ученіе себѣ полагаютъ, мудрыми себя ставятъ.» Малиновскій говоритъ, что и онъ слушалъ и, не смѣя протестовать, молчалъ.

Вскорѣ послѣ этого Платонъ еще разъ встрѣтился съ Тредьяковскимъ въ компаніи у священника невской под-монастырской слободы. Въ гостяхъ были, кромѣ Платона, невскій архимандритъ Петръ, московскій донской архимандритъ Иларіонъ Рогалевскій, пріѣхавшій для посвященія въ казанскіе епископы, чудовскій Евѳимій Колети и Тредьяковскій. Въ веселый часъ Тредьяковскій вздумалъ угостить своихъ собесѣдниковъ ужь не чтеніемъ, а пѣніемъ сочиненной имъ псальмы. Малиновскій, предубѣжденный противъ піиты, разразился страшной бранью. «Ужь не думаете ли вы, что, побывавши въ чужихъ краяхъ, вы получили право порочить Церковь православную своими ересьми. Слава Богу, у насъ православная земля и православная государыня, и за нечестіе кровь ваша еретическая прольется.» Иларіонъ и Петръ уговаривали Платона успокоиться: «перестань, оставь, завтра выговоришь. Тутъ ереси никакой нѣтъ; а если молодой человѣкъ въ чемъ и погрѣшилъ, то завтра пришлетъ къ вамъ псальму на домъ, поправьте, коли что̀ найдете.» Малиновскій сердился еще больше: «Не его дѣло сочинять богословскія вещи, для которыхъ многія имѣются достойнѣйшіе учители.» За Платона вступился Евѳимій и напалъ на Петра, что онъ ничего не знаетъ и не смыслитъ, «а то-де подлинно тутъ много противности греческой православной церкви.» На другой день Тредьяковскій прислалъ свою псальму съ латинскимъ письмомъ къ Малиновскому. Тотъ, хладнокровно обсудивши дѣло, увидѣлъ, что онъ неправъ и, пріѣхавъ въ Невскій монастырь къ обѣднѣ, благодарилъ Тре-

дьяковскаго за письмо и просилъ прощенія, что напрасно его вчера шумно оскорбилъ, «а псальма де-его никакого въ себѣ порока не имѣетъ.»

Въ этотъ разъ дѣло не имѣло другихъ послѣдствій, но потомъ попало въ судебный процессъ тайной канцеляріи надъ Евѳиміемъ и Малиновскимъ.

Для насъ важно оно по намеку на отношеніе къ общему дѣлу Церкви главныхъ ея правителей.

Это было въ мартѣ или въ апрѣлѣ 1732 года.

Въ августѣ (1732 г.), вдругъ арестуютъ ихъ одного за другимъ, Евѳимія—10-го, Платона—12-го числа. Изъ Москвы, кромѣ того, взяли въ тайную канцелярію заиконоспасскаго архимандрита Софронія Мигалевича, ученика богословія Красильникова и іеродіакона Скрыпицина, Евѳиміева келейника, Якова Вязьмина.

По связи лицъ ясно, что дѣло пошло о Рибейрѣ.

Мы выше упомянули, что онъ издалъ свою книгу противъ Буддея на одномъ латинскомъ языкѣ. На заглавномъ листѣ показано, что она напечатана въ Вѣнѣ 1730 г. Но Ѳеофанъ подозрѣвалъ, что это хитрость, что книги изданы въ Россіи и притомъ послѣ отъѣзда Рибейры изъ Россіи, т. е. послѣ 1730 года. Гдѣ же именно и по чьему старанію?

«Было слѣдованіе, писалъ онъ въ предложеніи кабинетнымъ министрамъ,—чьимъ тщаніемъ такъ вредная книжица произведена на свѣтъ типографскимъ тисненіемъ, и гдѣ она была напечатана. Хотя же и найдены таковаго отравнаго состава продавцы, однакоже доселѣ не было извѣстно, гдѣ составъ той и въ которой типографіи, нашей ли или въ иностранной какой, напечатанъ. А нынѣ показуется, что оная Рибейрева книга имѣла быть напечатана въ московской типографіи; но

намѣреніемъ извѣстныхъ того промышленниковъ, съ неопаснаго на безопасное, какъ они помышляли, перемѣненнымъ, напечатана она, по бл зкому догаду нашему, въ типографіи санктпетербургской академіи наукъ. Которой нашей коніектуры (догадки) имѣемъ мы и явно произнесемъ нелегкіе документы.»

Такимъ образомъ изданіе Рибейровой книжки представлялось дѣломъ русскихъ союзниковъ Рибейры. Но кто были эти *промышленники*, какъ называетъ ихъ Ѳеофанъ?

Начавшееся передъ этимъ дѣло Аврамова и Родышевскаго открыло переводчиковъ Рибейровой книги. Ѳеофанъ догадывался, что они жь были и издателями ея. Вотъ причина ареста Евѳимія и Платона.

Ѳеофанъ умѣлъ представить дѣло въ такомъ видѣ, что оно взято для слѣдованія въ кабинетъ.

Кабинетные министры пригласили въ свое собраніе Ѳеофана, который и далъ направленіе всему дѣлу. Изъ приложеннаго нами, на концѣ, доклада его государынѣ, читатели увидятъ, какъ онъ ловко сводилъ и связывалъ всѣ, самыя отдаленныя одна отъ другой, нити въ одинъ узелъ. Пасквиль Родышевскаго (еще неизвѣстный нашимъ читателямъ), письмо Рѣшиловское, Рибейра, Колети, Ѳеофилактъ,—все это сведено въ одну злодѣйскую факцію, которая хочетъ возмутить государство внутри и потрясти извнѣ. Потому всѣ члены этой факціи имѣютъ двойной характеръ: внутреннихъ мятежниковъ и внѣшнихъ шпіоновъ или союзниковъ. Евѳимій Колети особенно казался подозрительнымъ Ѳеофану и кабинетнымъ министрамъ въ обѣихъ этихъ роляхъ.

24-го октября 1732 г. дѣло передано было изъ кабинета въ тайную канцелярію. Евѳимія перевели въ крѣпость, а Платону и Софронію дозволили остаться до указу на преж-

нихъ квартирахъ, гдѣ они содержались подъ карауломъ тайной канцеляріи.

Іеродіаконъ Скрыпицынъ и школьникъ Красильниковъ, а вмѣстѣ съ ними и начальникъ ихъ, архимандритъ Софроній, вскорѣ были освобождены, потому что по слѣдствію важной вины за ними не оказалось. Прочіе ждали своей участи.

До 1734 г. оба архимандрита считались еще синодальными членами и, по указу верх. тайнаго совѣта (1726) о членахъ неприсутствующихъ, получали половину своего штатнаго жалованья,—были кое-какъ обезпечены въ необходимыхъ нуждахъ. Но въ 1734 г. синодъ назначилъ въ монастыри, на ихъ мѣста, другихъ архимандритовъ, а государыня—въ синодъ другихъ членовъ. Выдача жалованья имъ прекратилась.

Въ маѣ 1735 г. оба архимандрита прислали въ синодъ доношенія, которыми просили выдать имъ что-нибудь въ счетъ имѣющихся у нихъ по манастырямъ пожитковъ, чтобы имъ «не умереть съ голоду и стужи». Синодъ выдалъ имъ на крайнюю нужду, понемногу.

Въ іюнѣ тайная канцелярія уже предлагала синоду, что кабинетные министры и генералъ Ушаковъ приказали: сосодержащагося въ т. к. бывшаго Чудова монастыря архимандрита Евѳимія Колетія, по касающемуся до него въ т. к. нѣкоторому важному дѣлу, священства и монашества лишить, и просила прислать для этого дѣла надлежащую духовную персону. Синодъ командировалъ бывшаго при домѣ преосвященнаго Леонида іеромонаха Герасима. Послѣ растриженія, Евѳимію приказано зваться по мірскому—Елевѳеріемъ Колетіемъ.

Лишеніе сана было только прелюдіей къ допросамъ и истязаніямъ. О чемъ его не допрашивали? О Рѣшиловѣ, о под-

мстномъ письмѣ,—не бывалъ ли въ Кіевѣ,—обо всемъ, что составляло интересъ Рѣшиловскаго и Родышевскаго дѣла. Но въ показаніяхъ его нѣтъ ничего больше того, что мы сказали выше о переводѣ Рибейровыхъ сочиненій. Какая была дальнѣйшая судьба его, не знаемъ. Въ 1738 г. еще встрѣчаемъ его въ крѣпости въ казематѣ у Кроноверскихъ воротъ за тѣмъ его не видать больше.....

Въ іюнѣ 1735 г. потребовали въ С.-Петербургъ Ѳеофилакта. «Рано утромъ, пишетъ современникъ, прибѣжали въ архіерейскій домъ два гвардейскіе офицера и спросили: гдѣ архіерей? Имъ сказали, что здѣсь его нѣтъ, что онъ въ Всесвятскомъ,—и подчивали ихъ водкой, а между тѣмъ архіерею подали тайно вѣсть о случившемся. Архіерей облекся въ епископскую мантію и взялъ посохъ, и въ этомъ облаченіи ожидалъ своихъ противниковъ. Когда офицеры пришли взять его, то испугались, потому что имъ приказано было взять его, въ чемъ застанутъ. Объявивъ ему указъ тайной канцеляріи, чтобы ѣхать съ ними въ С.-Петербургъ, они не дали ему ни съ кѣмъ проститься. Ѳеофилактъ просился помолиться въ соборную церковь—не пустили.»

Въ С.-Петербургѣ, послѣ допросовъ въ синодѣ и кабинетѣ, 10 іюля привели его къ присягѣ въ томъ, что покажетъ истину. Сущность вопросовъ, предложенныхъ ему подъ присягою, заключалась въ одномъ: кто сочинялъ извѣстное письмо, Рѣшиловъ или нѣтъ? Но любопытно, какъ въ народной молвѣ отозвалась эта присяга. Говорили, что въ церкви спрашивали его подъ присягой: подпишется ли онъ, что книга «Камень Вѣры»—не правая книга? Ѳеофилактъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и за это готовъ пролить свою кровь.»

Въ 1736 г. сентября 8 скончался Ѳеофанъ. Между приближенными Ѳеофилакта ходила молва, будто духовникъ

предлагалъ Θеофану примириться съ Θеофилактомъ. Θеофанъ отвѣчалъ съ неистовымъ гнѣвомъ: О, духъ проклятый Лопатинскій!

Въ декабрѣ этого года, Θеофилакта передали изъ кабинета въ тайную канцелярію, съ тѣмъ, чтобы допрашивать его кабинетнымъ министрамъ и, въ случаѣ разнорѣчій, сдѣлать ему очныя ставки съ Маевскимъ и Рѣшиловымъ.

Въ одной изъ такихъ очныхъ ставокъ Рѣшиловъ не постыдился просить Θеофилакта, чтобъ онъ укрывательствомъ не пролилъ его Рѣшилова крови. Θеофилактъ не выдержалъ этой безсовѣстности и отвѣчалъ ему: «Въ тебѣ, сударь, свиная кровь»; съ тѣхъ поръ Рѣшиловъ сталъ ему противенъ.

Наконецъ послѣ всѣхъ допросовъ, показаній и очныхъ ставокъ состоялся высочайшій указъ слѣдующаго содержанія

«1738 года, декабря 13-го дня, по указу Ея И. В. въ кабинетѣ Ея И. В. присутствующими господами министрами да генераломъ Ушаковымъ, по слушаніи взнесенныхъ изъ тайной канцеляріи экстракта изъ дѣлъ о тверскомъ архіереѣ Θеофилактѣ Лопатинскомъ разсуждено, что помянутый архіерей Θеофилактъ, по обстоятельству производимаго съ прочими о немъ дѣла, явился въ важныхъ винахъ; но при слѣдствіи не токмо о тѣхъ своихъ винахъ не принесъ чистой повинной, но коварно въ томъ себя закрывалъ; ибо вѣдая, что имѣлъ онъ съ монахомъ Осипомъ, нынѣ растригою Иваномъ Рѣшиловымъ, письменную корреспонденцію, къ тому же и персонально съ нимъ неприличныя рѣчи, каковы въ тѣхъ ихъ письмахъ явствуютъ, говаривалъ, и отъ Рѣшилова слыхалъ,—на посланныя къ нему именныя Ея И. В. указы съ явною безсовѣстною лжею объявлялъ, что того будто бы не бывало; но когда тѣ его безсовѣстные отвѣты письмами Рѣшилова явно были обличены, тогда никакого

уже оправданія онъ, Θеофилактъ, не принесъ, кромѣ отговорки, что прежде не объявилъ онъ яко бы отъ безпамятства; когда и потомъ, сверхъ онаго, по слѣдствію, о происходимыхъ отъ него важныхъ непристойныхъ словахъ и нареканіяхъ явно показалось,—онъ и въ томъ въ отвѣтахъ вину свою скрывалъ, паче же присягою предъ всемогущимъ Богомъ съ клятвою себя въ ономъ утверждалъ и ни о чемъ на себя и на другихъ не показалъ, и въ томъ подъ присягою своеручно подписался; но послѣ того по отвѣту его явно означилось, что оную присягу учинилъ онъ умышленно-ложно, дабы тѣмъ закрыть нижеобъявленныя вины свои, ибо самъ онъ, Θеофилактъ, показалъ, что по словеси апостольскому всякому прекословію кончина клятва есть, и потому думалъ, что оною учиненною имъ присягою дѣло о немъ кончилось; но по слѣдствію въ тайной канцеляріи онъ явно явился въ злоумышленныхъ непристойныхъ и продерзостныхъ разсужденіяхъ и нареканіяхъ, въ чемъ самъ винился въ распросѣ, а именно: о высочайшей Ея И. В. персонѣ продерзостію своею произносилъ весьма непристойно, и къ тому приводя изъ пророчествъ и изъ книгъ Іисуса Сираха, Іоанна Златоустаго, разсуждалъ продерзостно отъ одной своей злобы, за то, что отъ синодальныхъ членовъ отрѣшенъ и возраженія на Буддея писать ему запрещено. Къ тому же, сверхъ онаго, въ другихъ продерзостныхъ разсужденіяхъ и нареканіяхъ явно себя виновнымъ показалъ, а именно: 1) имѣлъ онъ, Θеофилактъ, разсужденіе о наслѣдствіи, что было де наслѣдство меньшаго брата, а нынѣ де Богъ помянулъ большаго брата, и на его сторону перенесъ наслѣдство; 2) о Ея Высочествѣ, благовѣрной государынѣ принцессѣ Аннѣ разсуждалъ, что крещена въ лютеранскую вѣру, которую де и понынѣ содержитъ, а чрезъ оное крещеніе спасенія по-

лучить не можно; 3) блаженныя памяти о государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ произносилъ важныя непристойныя, продерзостныя слова, въ чемъ сперва запирался, но по смерти Θеофана, архіепископа новгородскаго, объявилъ, что тѣ непристойныя слова яко бы слышалъ онъ отъ него Θеофана архіепископа; а какъ оный Θеофанъ архіепископъ живъ былъ, тогда на него и на себя о томъ не показывалъ; 4) блаженныя памяти о Его И. В. Петрѣ Второмъ разсуждалъ онъ, Θеофилактъ, что во младыхъ лѣтахъ наставленія Его Величеству добраго, какъ монархамъ принадлежитъ, дать некому и ученія школьнаго не было, и нарекалъ, что имѣлся де учитель графъ Остерманъ, и въ наставленіи благочестія нечего добраго надѣяться, и надобно было бы Его Величеству совѣтовать, да некому, а синоду согласиться невозможно, за тѣмъ что новгородскій—и самъ лютеранскій защитникъ, и съ ними только знается, и жившій при немъ іеродіаконъ Адамъ (Селлій) по лютеранскимъ домамъ бѣгаетъ и у генерала Брюса чуть не живетъ; 5) нареканіе жь имѣлъ онъ, что по напечатаніи книги «Камень Вѣры», вскорѣ отъ Θеофана, архіепископа новгородскаго, яко бы посланъ былъ въ Іену жившій при немъ во ученикахъ Зенковскій, и по возвращеніи того Зенковскаго въ Москву яко бы явилась на «Камень Вѣры» Буддеева книга, печатная на латинскомъ языкѣ, и разсуждалъ онъ, Θеофилактъ, что Буддею другъ, въ Москвѣ обитающій, оный Θеофанъ архіепископъ, а потомъ произносилъ, что Буддей до изданія той книги умеръ, а потомъ эту книгу писалъ будто бы онъ же Θеофанъ архіепископъ, въ чемъ онаго Θеофилакта бывшій архимандритъ Іосафъ, нынѣ растрига Сидоръ Маевскій, явно изобличилъ; но онъ, Θеофилактъ, сперва въ томъ запирался, а потомъ, закрывая себя, объявлялъ, что объ ономъ

говорилъ яко бы оный Маевскій, но по слѣдствію, по произнесеннымъ отъ него, Ѳеофилакта, о Ѳеофанѣ архіепископѣ словамъ, явно, и въ ономъ подозрителенъ онъ остался; 6) продерзостно нарекалъ, что въ синодѣ членовъ выбралъ яко бы Ѳеофанъ архіепископъ такихъ, что никто слова не смѣетъ промолвить; 7) взявъ онъ, Ѳеофилактъ, у растриги Елевѳерія Колетія Буддееву книгу на латинскомъ языкѣ печатную, о которой отъ онаго Колетія сказано ему было, что къ нему принесъ гишпанскій патеръ Рейбера и что пишетъ тотъ Рейбера на оное сочиненіе пункты,—не только гдѣ надлежитъ, какъ по долгу его слѣдовало, объ ономъ онъ, Ѳеофилактъ, не объявилъ, но безъ указу собою сталъ писать возраженіе и посылалъ съ тѣмъ помянутымъ Маевскимъ къ князю Дмитрію Голицыну и къ троицкому архимандриту Варлааму, чтобъ они о написаніи ему того возраженія исходатайствовали у Ея И. В. позволеніе, и за неполученіе о написаніи того возраженія повелѣнія, какъ выше явствуетъ, имѣлъ онъ, Ѳеофилактъ, злобу; 8) именнымъ Ея И. В. указомъ объявлено ему, Ѳеофилакту, было, чтобъ онъ въ отвѣтъ на Буддееву книгу не сочинялъ, а ежели такую книгу сочинитъ или объявлять будетъ кому, что такой книги сочинять указомъ ему запрещено, и за то будетъ онъ судиться, въ чемъ онъ и подписался; но потомъ, не взирая на оный именной Ея И. В. указъ, но паче пренебрегая, отъ злобы своей разглашалъ вышеозначенному Маевскому и умышленно продерзостно нарекая сказывалъ ему, что помянутое возраженіе писать ему, Ѳеофилакту, сперва яко бы повелѣно отъ Ея И. В., но потомъ де о написаніи онаго возраженія разговорилъ Ея И. Величеству князь Черкасскій, что съ Ѳеофаномъ де архіепископомъ имѣлъ онъ дружеское обхожденіе, а оное возраженіе Ѳеофану архіепископу не угодно было; 9) когда

указомъ запрещено, чтобъ синодальнымъ членамъ архіереомъ сверхъ опредѣленнаго жалованья изъ домовъ архіерейскихъ ничего не давать, тогда онъ, Ѳеофилактъ, злобственно разсуждая, вышеупомянутому жь Маевскому говорилъ, что здѣсь жить всегда бойся: когда бъ де можно гдѣ укрыться, или хотя бъ де въ Польшу уѣхать, тому бъ онъ радъ; 10) какъ онъ. Ѳеофилактъ, былъ синодальнымъ членомъ и касалось тогда до вышеобъявленнаго Рѣшилова дѣло, и по опредѣленію синодальному велѣно онаго Рѣшилова допрашивать, въ которое время и онъ, Ѳеофилактъ, присутствіе имѣлъ, но потомъ какъ онъ отпущенъ въ епархію свою, то и онаго Рѣшилова своевольно съ собою взялъ, и посланнымъ изъ синода къ нему Ѳеофилакту дву указомъ онаго Рѣшилова въ синодъ не выслалъ и продерзостно съ злобы своей говорилъ: развѣ государь своимъ именнымъ указомъ его Рѣшилова отъ него возьметъ, а указовъ, которые изъ синода присланы, не слушаетъ, что указы присылаютъ его братья; 11) да и потомъ, не страшась, что оную продерзость и непослушаніе указомъ онъ учинилъ, но явно уже оные присланные къ нему изъ синода указы презря, не выславъ помянутаго Рѣшилова къ надлежащему допросу въ синодъ, безъ указу самовольно онаго Рѣшилова произвелъ тверской епархіи въ Раковъ монастырь во игумена, а потомъ перевелъ его въ Клабуковъ монастырь игуменомъ же; 12) какъ оный Рѣшиловъ, въ бытность свою во ономъ Клабуковѣ монастырѣ игуменомъ, произносилъ о имѣющихся въ крестѣ святыхъ мощахъ, что онъ малу вѣру имѣтъ, и образъ Живоначальныя Троицы съ мощами изъ церкви понамарю выкинуть вонъ приказалъ, и прочія продерзости чинилъ, о чемъ изъ синода въ присланномъ въ тайную канцелярію экстрактѣ явствуетъ именно, но и тогда онъ, Ѳеофилактъ, по слѣдствію

объ ономъ дѣлѣ, за показанныя важныя продерзости, ничего оному Рѣшилову не учинилъ, и никуда о томъ на него не писалъ и о томъ уничтожилъ, въ чемъ самъ онъ, Ѳеофилактъ, винился, что оное дѣло безъ рѣшенія онъ оставилъ и въ томъ-де признаваетъ онъ себя виновнымъ; 13) вѣдая онъ, Ѳеофилактъ, что вышепоказанный секретарскій сынъ, Александръ Давыдовъ, Маевскимъ постриженъ былъ въ противность святымъ правиламъ, духовному регламенту и указомъ, оному Маевскому за это не токмо никакого штрафа не учинилъ и куда надлежитъ о томъ не писалъ, но, по представленіи ему онаго Александра въ монашескомъ платьѣ, поздравлялъ тому Александру, называя его новымъ богомольцемъ, и потомъ говорилъ онъ, Ѳеофилактъ, оному растригѣ Александру, что недавно де онъ постригся, для чего изъ монастыря выѣзжаетъ? О чемъ оный Александръ показалъ именно, да и самъ онъ, Ѳеофилактъ, объявилъ, что на него Александра онъ кричалъ: «чего ради онъ обѣщаніе свое оставилъ», говоря де при томъ, что за то имѣетъ быть отъ него, Ѳеофилакта, онъ наказанъ; почему явно уже явилось, что чрезъ то объ ономъ, противномъ правиломъ и регламенту и указомъ, оному Александру постриженіи, прикрыть онъ желалъ, какъ о томъ и о прочихъ означенныхъ его Ѳеофилактовыхъ важныхъ винахъ въ экстрактѣ и по дѣлу явствуетъ именно. И за оныя его важныя вины надлежитъ лишить его архіерейства и всего священнаго и монашескаго чина, и за надлежащимъ карауломъ послать его въ Выборгъ, и содержать тамъ въ зáмкѣ, называемомъ Германъ, до смерти его никуда не исходно, подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, такожь бумаги и чернилъ ни для чего ему отнюдь давано бъ не было, и для караула опредѣлить изъ выборгскаго гарнизона унтеръ-офицера и солдатъ шесть че-

ловѣкъ, выбравъ добрыхъ и надежныхъ людей, безпремѣнно которымъ отъ него никуда не отлучаться и никому ни о чемъ отъ него чрезъ тѣхъ караульныхъ сообщаемо бъ отнюдь не было, и въ томъ во всемъ имѣть крѣпкое смотрѣніе выборгскому оберъ-коменданту самому, а во время содержнія онаго Ѳеофилакта на пропитаніе давать ему по гривнѣ на день изъ доходовъ выборгской провинціи, и объ ономъ изъ тайной канцеляріи къ выборгскому оберъ-коменданту послать указъ, а о дачѣ оныхъ денегъ сообщить въ сенатъ; а имѣющуюся въ Твери въ домѣ архіерейскомъ онаго Ѳеофилакта библіотеку и весь собственный его скарбъ, описавъ, взять въ тайную канцелярію, и потомъ доложить объ ономъ въ кабинетѣ Ея Императорскаго Величества, а взятыя въ тайную канцелярію у купца Ивана Корыхалова собственныя, помянутаго Ѳеофилакта, деньги оставить на случившіеся въ тайной канцеляріи по секретнымъ дѣламъ расходы.»

Сколько въ этомъ указѣ неправильностей, натяжекъ, извращеній, придирокъ—предоставляемъ судить самимъ читателямъ, знакомымъ со всею этою исторіею изъ Рѣшиловскаго дѣла. Какъ ни часто повторяется обвиненными и какой ни сдѣлалась избитою фраза, что они сдѣлали то или другое *отъ простоты своей*: но въ отношеніи къ Ѳеофилакту она имѣетъ полное значеніе. Отъ простоты, не пошлой и глупой, но отъ разумной простоты, отъ довѣрія къ жизни и къ людямъ, при полномъ уваженіи къ закону, онъ дѣлалъ все, въ чемъ его обвиняла, за что судила его тайная канцелярія и замучила въ крѣпости. Въ чемъ состояла его вина? Въ томъ, что онъ заботился о благѣ Церкви и хотѣлъ сочиненіями въ ея духѣ остановить разливъ ложныхъ ученій и не совсѣмъ благовидныхъ или, по меньшей мѣрѣ, торопливыхъ нововведеній; въ томъ, что онъ заботился о благѣ оте-

чества и жалѣлъ искренно о худомъ воспитаніи юнаго государя. Въ важныхъ продерзостныхъ словахъ объ Екатеринѣ не было ничего оскорбительнаго для ея памяти. Въ дневникѣ Берхгольца, на каждой страницѣ можно читать то же самое объ ней и о Петрѣ: это и видѣлъ и зналъ всякій. Остальное—личности съ Ѳеофаномъ изъ-за протеста противъ посвященія Ѳеофана въ епископы, изъ-за «Камня Вѣры» и изъ-за патріаршества. Рѣшиловъ тутъ лицо совершенно случайное, поджога—не больше. Въ дѣлѣ его Ѳеофилактъ виноватъ конечно послабленіемъ къ противозаконнымъ дѣйствіямъ Рѣшилова; но въ этомъ послабленіи не было государственнаго преступленія и, кромѣ того, оно оправдывалось особыми отношеніями, въ которыя поставленъ былъ этотъ обращенецъ изъ раскола. Почему не думать было, что изъ него выйдетъ другой Питиримъ? Вѣдь всѣ обстоятельства ихъ одинаковы: перемѣнилось только время. Дѣло Александра Давыдова, въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ указѣ,—клевета все на Ѳеофилакта. Если кто виноватъ въ немъ, такъ развѣ Рѣшиловъ съ Маевскимъ, тѣмъ что постригли его безъ указу. Ѳеофилактъ не поздравлялъ его своимъ богомольцемъ, и не думалъ укрывать его; да и отъ кого? Слѣдовало наказать Маевскаго, Рѣшилова за это постриженіе: Ѳеофилактъ виноватъ, что не сдѣлалъ этого; но это упущеніе со всѣмъ не уголовнаго свойства. Такимъ образомъ все дѣло сводится, какъ мы сказали, къ личностямъ между Ѳеофаномъ и Ѳеофилактомъ. Подъ личностію Ѳеофана мы разумѣемъ личность его не только какъ человѣка, но и какъ общественнаго дѣятеля, не только его самолюбивыя стремленія, но и весь образъ его мыслей и дѣйствій, съ его планами и предположеніями относительно устройства русской Церкви и русскаго государства. Пер-

венствуя въ синодѣ, въ качествѣ вицепрезидентовъ, какъ совершенно равныя власти, они тянули въ разныя стороны: послѣ смерти Петра балансъ склонялся то въ ту, то въ другую сторону. Въ царствованіе Екатерины и Петра II побѣда склонилась было на сторону Ѳеофилакта; но съ восшествіемъ на престолъ курляндской герцогини Анны, Ѳеофанъ восторжествовалъ и уничтожилъ своихъ противниковъ. Единомысленная съ нимъ гражданская власть довершала то, что онъ начиналъ,—уничтожала жертвы, которыя онъ обрекалъ ей на мученіе. О законности, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, тутъ не было и помину. Отчего жь тайная канцелярія облекала всѣ свои дѣйствія такою непроницаемою тайной?...

Въ одномъ указѣ съ Ѳеофилактомъ рѣшена участь несчастнаго монаха Алимпія, котораго Рѣшиловъ съ Маевскимъ постригли въ монашество для шутки.

Въ 1736 г. 16 іюня, послѣ предварительныхъ допросовъ въ синодѣ, его лишили монашества и передали въ тайную канцелярію. Тайная канцелярія приказала допрашивать его съ дыбы. Несчастный висѣлъ на дыбѣ, съ изломанными руками, пока не далъ показанія на семьдесятъ шесть вопросовъ. Въ заключеніе пытки, продолжавшейся чуть не цѣлый день, дано ему двѣнадцать ударовъ. Возобновлялись ли пытки послѣ того, не знаемъ.

Въ 1738 г. 13 декабря государыня подписала приговоръ тайной канцеляріи, рѣшившій его участь: «Разстригу Александра Давыдова, который по приказу помянутаго Ѳеофилакта переписывалъ у него набѣло сочиненное имъ означенное возраженіе (противъ Буддея), и какъ выше явствуетъ, постриженъ въ монахи въ противность святыхъ правилъ, духовнаго регламента и указовъ, и по постриженіи переходилъ изъ монастыря въ монастырь и по другимъ мѣстамъ,—хотя

другой никаковой важности по розыску до него не коснулось, но—за оныя его вины, дабы впредь болѣе отъ него другихъ таковыхъ продерзостей не происходило, сослать въ Сибирь, на житье вѣчно, за надлежащимъ карауломъ.

«При отправленіи Ѳеофилакта и разстриги Давыдова въ показанныя мѣста, объявить имъ указомъ Ея Императорскаго Величества каждому порознь, чтобъ они объ означенномъ дѣлѣ и ни о чемъ къ тому касающемся отнюдь ни съ кѣмъ не токмо разговоровъ и разсужденій не имѣли, но ни чрезъ что никому ни о чемъ не сообщали бъ; а ежели объ ономъ будутъ они съ кѣмъ имѣть разговоры и разсужденія, или продерзостно о чемъ разглашать станутъ, и за то безъ всякія пощады казнены будутъ смертью.»

Измученный допросами и очными ставками (а можетъ-быть и пытками, хотя въ дѣлахъ т. к. мы не нашли указаній на это), Ѳеофилактъ чувствовалъ себя въ крѣпости очень худо. Обезпокоенный этимъ оберъ-комендантъ выборгской крѣпости генералъ-маіоръ Зыковъ требовалъ инструкціи, какъ поступить съ нимъ въ крайнемъ случаѣ. Тайная канцелярія послала ему указъ слѣдующ. содержанія: «По указу Ея И. В. въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, по слушаніи присланныхъ отъ генералъ-маіора и выборгскаго оберъ-коменданта Зыкова доношеніевъ о содержаніи въ Выборгѣ, въ зáмкѣ называемомъ Германъ, разстриги Ѳедора Лопатинскаго опредѣлено: по доношенію генералъ-маіора Зыкова о содержаніи онаго Лопатинскаго и о состояніи того Лопатинскаго и имѣющагося у него караулу, репортовать въ тайную канцелярію помѣсячно, но только бъ содержанъ онъ былъ по прежде посланному къ нему генералъ-маіору Ея И. В. указу во всемъ непремѣнно; а для исповѣди онаго Лопатинскаго и подостоинству для сообщенія Св. Тайнъ, священника къ

нему допустить, токмо оному священнику, прежде допущенія его къ Лопатинскому, объявить, дабы онъ съ онымъ Лопатинскимъ, кромѣ надлежащей исповѣди, другихъ постороннихъ никаковыхъ разговоровъ отнюдь не имѣлъ, и о дѣлѣ его, по которому онъ сосланъ, у него не спрашивалъ. А если, паче чаянія, оный Лопатинскій умретъ, то мертвое его тѣло похоронить въ городѣ при церкви по обыкновенію, какъ мірскимъ людямъ погребеніе бываетъ, безъ всякой церемоніи». 31 марта 1739 г.

Страданія Ѳеофилакта этимъ не кончились. Въ маѣ 1739 года, послѣ того, какъ перемучили и разослали всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ его дѣлу, нашелся еще доносщикъ изъ враговъ Ѳеофилакта, бывшій иподьяконъ тверскаго архіерейскаго дома Гурій Лукинъ. Ѳеофилактъ частенько бранивалъ его, и ужь конечно,—не за добрыя дѣла. Низкій мститель нашелъ удобную минуту отплатить ему свою обиду и сдѣлалъ показаніе на близкихъ къ нему и пользовавшихся довѣріемъ лицъ—иподьякона Никифора Семенова и келейника Петра Иванова. «Они все должны знать—говорилъ доносщикъ;—а келейникъ, кромѣ того, мастеръ писать полууставомъ». Тайная канцелярія встревожилась. Обвиненныхъ приказано было взять въ С.-Петербургъ, а въ домахъ ихъ все обыскать и забрать въ тайную канцелярію. Въ Выборгъ положено было послать секретаря т. канцеляріи, Н. Хрущова, съ приказомъ наикрѣпчайше распросить Лопатинскаго (14 мая, 1739 г.).

Какія вѣсти привезъ изъ Выборга Хрущовъ, не знаемъ. Но меньше чѣмъ черезъ двѣ недѣли (25 мая 1739 г.) состоялось высочайшимъ повелѣніемъ: взять Лопатинскаго изъ Выборга опять въ тайную канцелярію.

Все это дѣлалось съ величайшимъ секретомъ. Въ народѣ

никто не зналъ подлинно, что онъ живъ. Всѣ говорили, что завезенъ куда-то въ ссылку и тамъ умеръ. Ѳеофилактъ оставался въ крѣпости до 31 декабря 1740 года.

II.

Обращаемся къ прочимъ лицамъ Рѣшиловскаго дѣла. *Рѣшиловъ*, какъ мы уже знаемъ, свалилъ все съ своихъ плечъ на головы Ѳеофилакта и Маевскаго. Болтливость однакожь не спасла его отъ истязаній тайной канцеляріи. Его пытали столько разъ, что почти совсѣмъ разорвали. Во все время истязаній онъ содержался въ крѣпости, получая на содержаніе по 3 к. въ сутки.

Маевскаго сначала держали подъ карауломъ въ синодѣ. Бѣдный, онъ думалъ, что этимъ и кончится его дѣло. «Синодъ, говаривалъ онъ, стращаетъ меня тайной канцеляріей; но государыня не велѣла отсылать меня въ тайную канцелярію». Въ этой надеждѣ онъ жилъ довольно весело; зазывалъ къ себѣ сосѣдей изъ той же братіи, синодскихъ канцеляристовъ, пѣвчихъ,—«и пивали и пѣвали»,—еще можно было жить. «Выпивши Маевскій и пооретъ и покричитъ не вѣсть что» (показаніе Аввакума): все съ рукъ сходило. Но дошли и до него печальные деньки.

Исподволь знакомили его съ тайной канцеляріей. Въ 1736 г. апрѣля 14 Ѳеофанъ писалъ къ Дудину: «Сего числа по полуночи въ 12 часу былъ у меня превосходительный г. генералъ и кавалеръ А. И. Ушаковъ и требовалъ, дабы, по нѣкоей важной винѣ, изъ св. синода Маевскаго отдать на время его превосходительству въ тайную канцелярію. Того ради благородіе ваше извольте онаго Маевскаго, когда отъ его превосходительства потребуется, въ помянутую т. к. отослать,

а для отвезенія его, дабы о немъ никто не зналъ, будетъ стоять у синода домовая наша покрытая коляска.» Вскорѣ послѣ того, 7 мая лишили его священства и монашества; а 10 іюня въ кабинетѣ состоялось опредѣленіе: «Такъ какъ Маевскій по дѣлу остался въ важномъ подозрѣніи и по слѣдствію о нѣкоторомъ извѣстномъ подметномъ письмѣ признавается весьма подозрительнымъ: то изъ подлинной правды розыскивать имъ и при розыскахъ о сочиненіи и о подкидываніи имъ (вмѣстѣ съ другими, о которыхъ рѣчь будетъ ниже) объявленнаго подлиннаго письма и въ говореніи нѣкоторыхъ словъ (о которыхъ мы знаемъ изъ Рѣшиловскаго дѣла) спрашивать накрѣпко».

Рѣшиловъ ужь довольно оговорилъ его. Не успѣлъ Іосафъ отдѣлаться отъ его наговоровъ, какъ судьба послала ему другаго, Рѣшилова, который навлекъ на него и на многихъ другихъ лицъ въ этой исторіи ужаснѣйшія страданія. И откуда онъ взялся? Просто съ неба упалъ.

Въ 1735 г. посадскій человѣкъ въ г. Вышнемъ Волочкѣ, Михаилъ Сердюковъ, привелъ къ бывшему у розыскныхъ дѣлъ прапорщику Зыкову малороссіанина Василья *Козьменку*, уличеннаго въ забраніи подъ его (Сердюкова) именемъ у разныхъ людей товару и денегъ и въ кражѣ нѣкоторыхъ вѣщей. Паспорта у него не оказалось; вмѣсто того нашелся бѣлый листъ, запечатанный дворцовою петергофской печатью.

По приводѣ къ розыскнымъ дѣламъ, Козьменка не сознался ни въ кражѣ, ни въ забраніи денегъ подъ именемъ Сердюкова; но по уличеніи бѣлымъ листомъ сознался въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ. Жилъ онъ въ Петергофѣ у инспектора Петра Арнарда Арнандера писаремъ, и улучивъ минуту, приложилъ на двухъ бѣлыхъ листахъ петергофскую печать, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ нужды воспользоваться ими для

написанія фальшивыхъ паспортовъ, и на одномъ уже и написалъ, подведши подъ руки его, Арнарда, и другихъ чиновниковъ.—Изъ-подъ караула какъ-то удалось ему убѣжать; но онъ снова былъ пойманъ и повинился во всемъ. Вышневолоцкая розыскныхъ дѣлъ канцелярія присудила розыскивать имъ. Но предъ пыткою Козменка сказалъ за собою слово и дѣло. Это была обыкновенная уловка подсудимыхъ, которые хотѣли отдалить пытку, объявивъ за собою государево слово.

При распросѣ, Козменка, между прочимъ, показалъ, что знаетъ «О письмахъ за высокими персонами, которыя письма пристойны къ возмущенію бунта». Обо всемъ этомъ онъ хотѣлъ объявить въ тайной канцеляріи.

Тайная канцелярія рада была новому субъекту.

Для достовѣрности этого показанія, его привели въ застѣнокъ и подняли на дыбу. Но съ виски Козменка отъ всего отказался и сказалъ, что затѣялъ все это на себя напрасно, отбывая розысковъ. Его пытали въ другой и въ третій разъ: но со всѣхъ трехъ розысковъ онъ говорилъ тѣ же рѣчи, что ни за собою, ни за другими ничего важнаго не знаетъ.

Застѣночный мастеръ почему-то чуялъ, что тутъ кроется тайна и приказалъ объявить ему, что онъ о пасквильныхъ письмахъ какъ за собою, такъ и за другими знаетъ, а не объявляетъ вымышленно, и въ томъ его не истинномъ показаніи будетъ онъ розыскиванъ, пока живъ будетъ. Послѣ этого объявленія опять повели его въ застѣнокъ.

По приводѣ къ пыткѣ, Козменка объявилъ, чтобъ его отвели въ тайную канцелярію, потому что онъ имѣетъ нѣчто показать. По прибытіи жь въ тайную канцелярію объявилъ Ушакову, что желаетъ безъ розыску принесть во всемъ повинную. Ему дали бумаги и чернилъ, и показали нѣсколько строкъ изъ извѣстнаго полууставнаго пашквильнаго письма.

Роковое показаніе это стоило многимъ большихъ страданій и состояло въ слѣдующемъ:

Въ 1731 или 1732 году—началъ Козменка—прибылъ онъ въ Тверь и пришелъ къ архимандриту Іоасафу. Тутъ встрѣтилъ его келейникъ Іоасафа, племянникъ его, Андрей Масалаевъ, и привелъ къ архимандриту. (Къ слову сказать, Козьменка былъ родственникъ Маевскаго, кажется двоюродный братъ его.) Архимандритъ угостилъ его хлѣбомъ-солью. Вечеромъ, сидя за ужиномъ, Іоасафъ говорилъ бывшему тутъ іеромонаху Исаіи: Кого еще искать? онъ (Козменка) сдѣлаетъ намъ это лучше Андрея (Масалаева).—Для Козменка этотъ разговоръ былъ пока загадкою. Но дня чрезъ два Масалаевъ объяснилъ ему, что архимандритъ хочетъ сдѣлать ему порученіе: не можетъ ли онъ потрудиться написать письмо полууставомъ? Козменка спросилъ: «Какое письмо? Для чего жь,—могу сдѣлать.» Исаія выразилъ было сомнѣніе: можно ли на него надѣяться? Но Маевскій сказалъ: «Надѣйся на него, все равно что какъ на меня, проносу не будетъ, потому что онъ еще впервые въ Великой Россіи и никого не знаетъ.» Послѣ этихъ рѣчей Маевскій и Исаія стали говорить ему: «Перепиши ты намъ письмо полууставомъ, за что̀ мы тебя наградимъ; только когда ты станешь такое письмо писать, не моги ты никому объявить, иначе погубишь себя и насъ.»—Что это за письмо? спросилъ Козменка. «А такое письмо, отвѣчали ему, которое надобно тихонько во дворецъ Ея И. В. снесть.»—Въ какую силу, спросилъ Козменка? Исаія въ нерѣшимости спросилъ у Маевскаго: Сказать ему иль нѣтъ? Маевскій отвѣчалъ: «Вѣдь я сказывалъ тебѣ, что его не опасайся.» Послѣ этого Исаія объявилъ, что это письмо надо тихонько подкинуть, потому что въ немъ писаны важныя и великія государственныя дѣла.—Какъ станешь писать,

то и самъ увидишь. У насъ есть и свой писецъ, только его руку многіе знаютъ. Козменка отвѣчалъ, что такого письма онъ писать не будетъ,—давайте кому хотите.—Маевскій и Исаія стали его упрашивать: пожалуй напиши; вѣдь твое какое дѣло? Написалъ, да и поѣхалъ въ Малороссію, а мы дадимъ тебѣ на дорогу 30 руб. денегъ, а если хочешь, то и напередъ возьми. Не смотря на это обѣщаніе, Козменка сталъ настойчиво отказываться. Тѣ въ свою очередь сказали ему: «Какъ ты хочешь, мы это такъ тебѣ сказали, у насъ есть и свой писецъ, и безъ тебя напишетъ; а ты только не болтай объ этомъ никому,—мы съ тобой пошутили.» Съ тѣмъ Козменка и ушелъ.—Пришедши на другой день по утру къ архимандриту, онъ постучалъ въ переднюю дверь—заперто; зашелъ со двора въ другія двери, и войдя въ переднюю увидѣлъ, что Масалаевъ при свѣчѣ пишетъ что-то на большомъ листѣ. Заслышавъ шаги, Масалаевъ загасилъ свѣчу и писанный листъ спряталъ за себя, а на него закричалъ: «Что тебя такъ рано принесло?—развѣ ты не знаешь, что еще всѣ спятъ? и заснуть-то отцу архимандриту не дадите. Ступай, придешь въ другое время.» Заслышавъ эту перебранку, архимандритъ вышелъ изъ спальни и закричалъ на Масалаева: «Что ты тутъ расшумѣлся? дѣлай свое дѣло.»—Я было и сталъ дѣлать, да Козменка помѣшалъ. «А для чего не заложилъ дверей на крюкъ?»—Заперты были, да онъ въ заднія прошелъ. Послѣ этого архимандритъ сказалъ Козменкѣ: «ты впередъ не учись такъ дѣлать, коли заперто, такъ подожди.»—По разговору оказалось, что Козменка пришелъ за своимъ дѣломъ, собирался въ С.-Петербургъ и просилъ на дорогу денегъ. Архимандритъ далъ денегъ и провизіи на дорогу, а къ слову прибавилъ: «не болтай, о чемъ просилъ тебя Исаій; вѣдь онъ смѣялся.»

Узнавши въ Петербургѣ, что Маевскій тутъ, онъ приходилъ къ нему раза съ три. Маевскій давалъ ему, по бѣдности, денегъ; спрашивалъ: не болталъ ли онъ кому о прежнихъ рѣчахъ? Козменка отвѣчалъ, что нѣтъ. «Ну и хорошо.»

Глядя, потомъ, на полууставное письмо, Козменка сказалъ, что это писалъ Масалаевъ, только отъ своего почерка много скрадывалъ. Развѣ не писалъ ли онъ вмѣстѣ съ Жуковымъ (тверскимъ канцеляристомъ), потому что Жуковъ переписывалъ Маевскому кой-какія бумаги.

Позвали къ допросу *Масалаева*. Масалаевъ сначала ни въ чемъ не сознался, сказалъ, что за давнопрошедшимъ временемъ не помнитъ. Но по приводѣ въ застѣнокъ, съ подъему на виску, сказалъ, чтобъ его спустили и дали подумать. Его спустили. Масалаевъ сталъ припоминать.

«Предъ Маевскимъ судьею тверскаго архіерейскаго дома былъ архимандритъ Александръ; онъ ужь умеръ; но послѣ него остался племянникъ Степанъ Миссовъ, который писывалъ Маевскому уставомъ разныя латинскія задачи: не писывалъ ли онъ, по приказу Маевскаго, чего-нибудь другаго? Больше ничего сказать за собою не знаемъ.»

Миссовъ былъ бѣдный школьникъ, котораго Маевскій (занявши мѣсто его дяди) отдалъ въ школу въ Москву, содержалъ, и принималъ къ себѣ на каникулы. Миссовъ показалъ, что онъ переписывалъ для Іоасафа Ѳеофилактовы проповѣди и латинскія тетради въ защиту «Камня Вѣры», противъ Буддея. Съ школьника что̀ взять? Посѣкли и отпустили. За Жуковымъ тоже ничего не нашли и отпустили.

Но въ то время, какъ пытали этихъ служебниковъ Маевскаго, ему самому доставалось жарче всѣхъ. Все, что̀ ни показывали на него, не казалось прочнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ во всемъ не признается.

Въ первой очной ставкѣ съ Козменкой, Маевскій ни въ чемъ не признался. Нужно было склонить другаго свидѣтеля, іеромонаха Исаію, который былъ при разговорахъ Маевскаго съ Козменкой. Для тайной канцеляріи его лишили священства и монашества 10 іюня 1736 г., а канцелярія приказала вздернуть его на дыбу (16 іюня 1736 г.). Козменка стоялъ подлѣ и уличалъ Исаію, теперь ужь Якова Ясинскаго, уговаривая сознаться во всемъ. У Ясинскаго заговорилъ инстинктъ самоохраненія; а Маевскаго что̀ ему беречь? Маевскій не берегъ же его, когда еще въ Бизюковомъ монастырѣ держалъ его два года въ цѣпяхъ подъ карауломъ. Ясинскій сознался во всемъ, что̀ показалъ Козменка.

Теперь предъ Маевскимъ стояли два обличителя. «Что̀ ты запираешься, будто Козменка въ 1736 г. на сырной недѣлѣ въ воскресенье въ домѣ архіерейскомъ у тебя не бывалъ? Помнишь, онъ былъ въ суконномъ нѣмецкомъ кафтанѣ васильковаго цвѣту?» Маевскій отвѣчалъ, что не помнитъ, потому что на сырной недѣлѣ дни гулящіе, и ему случалось быть шумнымъ отъ напитковъ. «Для чего ты лжешь такъ безсовѣстно и истины показать не хочешь, говорилъ въ свою очередь застѣночный мастеръ,—когда на тебя показываютъ?—«Знаю я ихъ совѣсть», отвѣчалъ Маевскій.

Ушаковъ велѣлъ отвесть его въ застѣнокъ. Во время розыска, Маевскій показалъ, что не то ли это письмо, о которомъ говорилъ ему тогда Ѳеофилактъ? Какъ онъ приходилъ въ смущеніе, что началъ писать противъ Буддеевой книги не имѣя позволенія; то говорилъ, что надобно-де во дворецъ написать письмо, а кому и въ какой силѣ—не помнитъ.

Когда напали на слѣдъ, такъ ужь пошли по немъ и дальше. Маевскаго привели въ застѣнокъ въ другой разъ. Усиленная пытка вытянула изъ него новыя показанія.

Маевскій сознался, что Козменка точно былъ у него въ Твери и прилучился въ такую пору, когда Ѳеофилактъ озабоченъ былъ сочиненіемъ противъ Буддея и хотѣлъ писать къ царскому духовнику Варлааму, чтобы тотъ выпросилъ ему позволеніе писать, да еще велѣлъ сыскать нѣкотораго писца въ Москвѣ, котораго онъ, Маевскій, и сыскалъ, только имени его не упомнитъ. Тутъ къ слову и спросилъ онъ у Козменки: не мастеръ ли онъ писать полууставомъ и не возьмется ли переписать сочиненную имъ, преосвященнымъ, книгу? Когда же Козменка отказалъ, то онъ наказывалъ ему никому не говорить объ этой книгѣ, потому что этого дѣла никто не знаетъ.

Тайной канцеляріи и это объясненіе показалось недостаточно. Маевскаго привели въ застѣнокъ въ третій разъ.

Съ розыску онъ показалъ, что съ Козменкою была у него рѣчь и о письмѣ, со словъ Ѳеофилакта. Написавши книгу противъ Буддея, онъ собирался написать письмо къ племяннику покойнаго митрополита Стефана, Яворскому, и попросить его: не можетъ ли онъ черезъ жену свою, урожденную Козловскую, и жившую при домѣ царевны Екатерины Ивановны, выпросить позволеніе на изданіе той книги? Въ этой силѣ онъ и говорилъ, что письмо надо отнесть во дворецъ. Послѣ розыска было ему 17 ударовъ.

Показанія Маевскаго по видимости сходились съ показаніями Козменки и Ясинскаго: однако жь по дѣлу шли въ разныя стороны. Кто жь правъ и кто виноватъ? Смѣтливая канцелярія рѣшила попытать еще разъ доносщиковъ, а ужь, потомъ, если они останутся при своихъ показаніяхъ, приняться за Маевскаго съ Масалаевымъ окончательно. Козменку и Ясинскаго привели въ застѣнокъ: оба утверждались на своихъ прежнихъ показаніяхъ. Значитъ дѣло остановилось

за Масалаевымъ и за Маевскимъ. Чтобы привести ихъ къ сознанію, кабинетные министры, вмѣстѣ съ генераломъ Ушаковымъ, положили (9 ноября 1736 г.) учинить слѣдующее: 1) для уличенія Масалаева, изъ показаній Маевскаго составить записку, въ которой обозначить, что Козменка въ Твери у него, Маевскаго, подлинно былъ и что Масалаевъ Козменку у него видѣлъ, и когда Маевскій говорилъ Козменкѣ, чтобъ написать письмо, которое надо отнесть во дворецъ, при томъ былъ также и онъ, Масалаевъ. Для увѣренія Масалаева велѣть ему, Маевскому, подъ запиской подписаться и потомъ объявить ее Масалаеву съ увѣщаніемъ, чтобъ онъ ничего не скрывалъ. Ежели жь онъ будетъ скрывать, то, тотчасъ взявъ его въ застѣнокъ, пытать и жечь вѣниками, и спрашивать его объ ономъ накрѣпко. Опредѣленіе тайной канцеляріи исполнено во всей силѣ. Масалаева, въ третій ужь разъ, повели въ застѣнокъ и подняли на дыбу. Масалаевъ сказалъ, что ничего не помнитъ, и ничего за собой не знаетъ. «Что за письмо, о которомъ Маевскій говорилъ Козменкѣ?» На это сказали ему, что то письмо секретное. «Вините меня въ чемъ хотите, простоналъ Масалаевъ съ тяжкой пытки: только ни о Козменкѣ, ни о какихъ секретныхъ письмахъ я ничего не знаю», въ чемъ утверждался и по жженіи вѣниками. Вскорѣ послѣ пытки онъ заболѣлъ и думали, что смертельно. Послали къ нему духовнаго отца съ наказомъ: не вывѣдаетъ ли онъ чего-нибудь? Но Масалаевъ на исповѣди при отцѣ духовномъ утверждалъ въ томъ же. 2) Маевскому, показавъ объявленіе о принесеніи чистой повинной, къ размышленію больше четверти часа не давать, и буде онъ по прошествіи четверти часа, вины своей не принесетъ, то его того жь часа въ удобномъ мѣстѣ водить по спицамъ, сколько времени по состоянію его, г. Ушаковымъ

усмотрѣно будетъ, и буде при вожденіи по спицамъ станетъ онъ говорить, чтобъ его болѣе по спицамъ не водить, что онъ вину свою объявитъ, то ему до тѣхъ мѣстъ, пока о именахъ своихъ сообщниковъ не объявитъ, свободы не давать.

Врученный ему вслѣдствіе этого ultimatum гласитъ слѣдующее: Разстригѣ Сидору Маевскому объявляется: «Понеже дѣло твое, какъ по слѣдствію, такъ и по отвѣтамъ твоимъ, явно явилось, что въ томъ дѣлѣ самъ ты главнымъ производителемъ былъ, а Ея. И. В., по обыкновенному своему милосердію не желая крови человѣческой, но токмо чистую отъ тебя повинную, всемилостивѣйше указала въ послѣдніе объявить, чтобъ ты все то дѣло и о всѣхъ бывшихъ въ томъ дѣлѣ съ тобою сообщникахъ, безъ всякія утайки прямо нынѣ объявилъ; и ежели то учинишь, то Ея И. В. изволитъ не токмо отъ смерти тебя помиловать, но и отъ розысковъ свободна учинить, и дабы въ томъ подлинно ты увѣренъ былъ, того ради по указу Ея И. В. объявляется тебѣ о всемъ за подписаніемъ нашимъ (Остермана, Черкасскаго и Ушакова); но ежели, пренебрегая высочайшую Ея И. В. милость, сего не учинишь, то впредь никакого уже милосердія къ тебѣ не будетъ и преданъ будешь жесточайшимъ мукамъ, пока все то дѣло подробно самъ откроешь. И для того помня Бога и видя высочайшую Ея И. В. милость и не допуская себя до большихъ мукъ, нынѣ чистую повинную принеси.»

Выслушавъ объявленіе, Маевскій показалъ то же самое что̀ и прежде, и прибавилъ, что ежели онъ съ разстригою Лопатинскимъ и съ разстригою жъ Рѣшиловымъ имѣлъ важные разговоры и разсужденія: то говорилъ и разсуждалъ о томъ безъ всякаго умыслу, отъ одной своей простоты.

Ушаковъ объявилъ ему еще разъ, чтобы онъ ни на что̀ не надѣялся и, оставя свои вымышленныя отговорки, принесъ

чистую повинную. Маевскій утверждался на прежнихъ показаніяхъ.

Послѣ того, по прошествіи четверти часа, Маевскій поднятъ на дыбу и воженъ по спицамъ три четверти часа; а съ подьему на дыбу и съ воженія по спицамъ говорилъ то же, какъ выше показано, и въ томъ утвердился. И по прошествіи трехъ четвертей часа усмотрѣно по состоянію его, Маевскаго, что въ себѣ слабъ сталъ и болѣе по спицамъ не воженъ и съ дыбы спущенъ. (16-го ноября 1736 г.).

Дольше всѣхъ тянулось дѣло Платона Малиновскаго, и— то просвѣтлялось надеждою, то омрачалось, какъ тучею, новыми показаніями и подозрѣніями. Вообще слѣдя за ходомъ этого дѣла мы не должны забывать, что оно разсматривалось и слѣдовалось въ связи съ другимъ дѣломъ *Абрамова и Родышевскаго противъ Ѳеофана.* Слѣдователи и Ѳеофанъ считали оба эти дѣла за одно, и лицъ, замѣшанныхъ въ нихъ или къ нимъ прикосновенныхъ—за злодѣевъ одной факціи. Подозрѣніе въ этой близости участниковъ Родышевскаго дѣла съ Рѣшиловскимъ процессомъ усилилось вслѣдствіе того, что первые, ведя открытую войну, въ то же время (въ августѣ 1734 г.) пустили *подметное* письмо на Ѳеофана и на учрежденія, въ которыхъ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ или совѣтникомъ.

Платонъ Малиновскій запутанъ былъ и въ то и въ другое дѣло, хотя не чувствовалъ себя ни въ чемъ виновнымъ и точно не былъ виновенъ. Надежда утѣшала его мыслію о скоромъ освобожденіи. Неизвѣстная, высокопоставленная особа поддерживала въ немъ эту надежду. Въ 1738 г. августа 3— просимъ замѣтить это число—онъ писалъ къ этой особѣ (ни какъ не меньше, какъ къ одному изъ кабинетныхъ министровъ, къ Остерману, Черкасскому, Волынскому, или къ

Ушакову; ни къ кому другому изъ крѣпости писать не позволили бы; судя по названію генераломъ, должно быть, къ послѣднему): «Высокопревосходительнѣйшій господинъ, господинъ генералъ и кавалеръ.

«Мой многомилостивѣйшій патронъ.

«Вчерашняго дня, о чемъ я словесно докладывалъ, ваше превосходительство, о томъ же получилъ себѣ приказъ: все то подать на письмѣ къ дополненію поданнаго отъ мене въ 1735 году въ высокій Ея Императорскаго Величества кабинетъ духовнаго дѣла. Но когда я послѣ самъ съ собою довольно о томъ думалъ, и совершенно вспомнилъ, что о всемъ томъ въ самомъ дѣлѣ духовномъ уже показано отъ мене, разсудилъ я быть лишнее о томъ же и нынѣ подавать письменно: и потому въ показанное дополненіе ничего здѣсь не приношу. Едина токмо крайняя моя убѣждаетъ мене нужда трудить ваше превосходительство всепокорнѣйшимъ прошеніемъ о томъ: довольно и самому вашему превосходительству извѣстно, что уже шесть лѣтъ содержусь подъ карауломъ, кромѣ всякія моея вины: а свидѣтель тому самъ Богъ, и совѣсть моя; да и по дѣлу уже явилось неповинность моя,—о чемъ я и отъ вашего превосходительства имѣлъ счастіе слышать, что въ свободѣ моей только остановилось за докладомъ Ея Императорскому Величеству. Того ради всепокорнѣйше прошу, ради самого Бога, показать со мною, не повинно страждущимъ, въ скорѣйшемъ докладѣ Ея Императорскому Величеству высокую свою милость. А покамѣстъ счастливаго сего многомощнымъ вашимъ милостивымъ предстательствомъ дождусь по тому дѣлу крайняго рѣшенія, прошу всепокорно приказать меня отпустить на мою квартиру по прежнему; ибо въ томъ ни какія важности не находится: что я здѣсь подъ карауломъ, то и тамъ такими жь

мѣрами содержанъ буду. А по слабости здравія моего, ежели долго мнѣ содержаться въ крѣпости, то непремѣнно, отъ единаго здѣшняго тяжелаго воздуху, и отъ другихъ неспокойствъ, могу прійдти въ неисцѣлимую болѣзнь, а особливо головную, понеже я уже давно тѣмъ безмѣрно стражду: о чемъ вси знающіи мене извѣстни. Что когда все, особливымъ вашимъ ко всѣмъ бѣднымъ милосердіемъ, я получу желаемое, то и васъ, и наслѣдія вашего, Богъ всѣхъ милосердыхъ любитель, желаемыя вами вѣчная и временная сподобитъ получити благая. О семъ прося пребываю, и пребывать по жизнь мою долженъ.

«Вашего преовсходительства
1738 г. «всегдашній богомолецъ и слуга нижайшій
авг. 3 дня. «Архимандритъ Платонъ Малиновскій.»

И послѣ всѣхъ такихъ надеждъ и обнадеживаній, чрезъ четыре мѣсяца послѣ письма, въ одинъ день съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, Платонъ лишенъ архимандричьяго сана, священства и монашества (*) и, въ одной партіи съ Дудиномъ, Филипповымъ, Давыдовымъ сосланъ въ Сибирь. Въ 1739 г. января 15-го графъ Салтыковъ увѣдомлялъ тайную канцелярію изъ Москвы, что присланные для ссылки въ Сибирь колодники отправлены, на ямскихъ подводахъ, всѣ порознь.

Что̀ жь значили эти обнадеживанія Платона скорымъ выпускомъ изъ крѣпости и благопріятнымъ окончаніемъ дѣла? То, что лицо, къ которому писано это письмо, или не хотѣло, или не могло исполнить своихъ обѣщаній. Ушаковъ, сильный въ исполнительной части, въ бойнѣ и пыткахъ, имѣлъ мало значенія въ совѣтѣ кабинетскихъ министровъ. Тутъ всѣмъ вертѣлъ хитрый Остерманъ. Мы заключаемъ объ

(*) Для снятія сана съ Платона Малиновскаго посылалъ былъ изъ синода находившійся при Кипріанѣ, еп. вятскомъ, іеромонахъ Индисъ.

этомъ изъ показанія Волынскаго (16 апр. 1740 г.) по поводу извѣстнаго письма его къ государынѣ, съ котораго и начался судъ надъ нимъ. «Оный графъ Остерманъ къ Ея И. В. токмо одну свою вѣрность показываетъ, а другихъ уничтоживаетъ въ томъ, что по дѣламъ кабинетнымъ по общимъ его Волынскаго съ князь Алексѣемъ Черкасскимъ, тако жь и по предложеніямъ отъ генерала Ушакова о дѣлахъ тайной канцеляріи, разсужденіямъ, что ни предлагаемо ими было, по большей части не такъ имъ графомъ Остерманомъ поступано было,—что тѣ ихъ разсужденія якобы негодны, но только его надлежащее разсужденіе, и показывалъ себя только якобы одинъ онъ Ея И. В-ву вѣрность имѣетъ.»

III.

Не однимъ дѣйствующимъ лицамъ въ этой исторіи досталась горькая чаша. Многіе, волей-неволей, пили изъ нея, за всякое случайное вмѣшательство въ эту печальную исторію, за одно прикосновеніе къ кому-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ.

Послѣ передачи въ тайную канцелярію, подсудимые содержались въ крѣпости, отдѣльно другъ отъ друга, каждый въ своемъ казаматѣ. Казаматы считались по номерамъ, а номера по мѣстностямъ: отъ Васильевскихъ воротъ, - на Монетномъ дворѣ,—отъ Монетнаго двора,—въ Старой Трезиной, подъ флагомъ (въ одномъ изъ этихъ № содержался Давыдовъ), отъ флага, у Невскихъ воротъ (содержался Барсовъ),—у Ботика,—у Петровскихъ воротъ. По другой записи 1735 г. встрѣчаемъ другія названія: въ старой аптекѣ,—въ старой Тайной, у Кронверскихъ воротъ (содержался Колетій), въ банѣ (содержался Родышевскій), противъ магазейновъ. Кормовыя деньги,

отпускались разно, по чинамъ: Ѳеофилакту по 10 к. въ день, Колетію по 6 к., Родышевскому по 4 к., Маевскому, Рѣшилову, Аввакуму по 3; Масалаеву и Ясинскому по 2 к. Деньги эти, какъ и все содержаніе канцеляріи, почерпались изъ отписнаго имѣнія у лицъ судимыхъ въ т. канцеляріи. Изъ этихъ же денегъ содержались канцелярія и заплечный мастеръ.

Въ крѣпости колодники не видывали другъ друга, развѣ на очныхъ ставкахъ. Но до крѣпости, въ синодальномъ караулѣ, они жили свободнѣе, видѣлись другъ съ другомъ, хаживали одинъ къ другому и жили—кто не былъ закованъ въ желѣза,—немножко привольнѣе, чѣмъ въ крѣпости.

Изъ Рѣшиловскаго дѣла мы узнаемъ сосѣдей и пріятелей Маевскаго по караулу.

Тутъ были всякіе люди, и чиновные и нечиновные. Высокопетровскій архим. Аввакумъ, торопецкій небинскій архим. Авраамій, ниловскій игуменъ Авраамій и роскольницкій казначей съ Вѣтки монахъ Павелъ. Всякій разсказывалъ свое горе. «Вотъ я здѣсь страдаю, говорилъ торопецкій архимандритъ,—по дѣлу попа Луки. Завязался съ торопецкими посадскими людьми, руку прикладывалъ, а къ чему—самъ не вѣдаю.» Тутъ не было интереса для разговоровъ, когда самъ виновный мало зналъ свою вину; къ тому жь онъ былъ большой постникъ, вина не пилъ, а пилъ только квасъ и воду.—Ниловскій игуменъ настригъ молодыхъ монаховъ. Синодъ велѣлъ разстричь ихъ. Въ братіи произошло смятеніе. Въ ту пору въ Ниловской пустыни жилъ, на покоѣ, бывшій корельскій епископъ Ааронъ: братія бросилась къ нему и просила написать прошеніе императрицѣ. Ааронъ написалъ. Государыня отдала прошеніе Ѳеофану и пошла переборка.—Раскольничій монахъ Павелъ жаловался на бѣглаго архимандрита Епифанія, который синодомъ назначенъ былъ

въ ссылку и убѣжалъ въ расколъ. Все у нихъ было мирно и спокойно, пока не пришелъ этотъ Епифаній. Приняли его,— нажили бѣды. Нашли русскіе офицеры и солдаты, все забрали и церковь сожгли. Епифаній ужь умеръ, да и насъ погубилъ.»

Все это дѣла не общаго интереса. Ближе всѣхъ подходилъ къ Маевскому архимандритъ Аввакумъ. Онъ былъ судьею въ московской дикастріи и не одинъ разъ ужь былъ подъ судомъ,—за послабленіе костромскому Геннадіевскому архимандриту Іонѣ въ неслуженіи царскихъ молебновъ и панихидъ, и за противозаконное назначеніе въ Берлюковскую пустынь (въ 35 верстахъ отъ Москвы) строителемъ саровскаго іеромонаха Іосіи Самгина. Теперь онъ попалъ подъ судъ за медленное производство дѣла о воскресенскомъ архимандритѣ Мельхиседекѣ и, подъ арестомъ, свелъ дружбу съ Маевскимъ. Одинаковое горе сблизило ихъ. Аввакумъ, живя въ сосѣдней палатѣ съ Маевскимъ, слыхалъ, когда, бывало, поведутъ его въ собраніе и, жалѣя, говаривалъ: «опять повели, совсѣмъ затаскали». Когда Маевскій возвращался изъ собранія, Аввакумъ выражалъ ему свое сожалѣніе. «Да долго ль, батюшка, намъ здѣсь животъ свой мучить?»—Богъ вѣсть, отвѣчалъ Маевскій. «Скоро ли конецъ вашему дѣлу?»—Куда конецъ, высоко несутъ и ищутъ не знамо чего; развѣ только мучениковъ надѣлаютъ, а что̀ сыщутъ—Богъ вѣсть.» «И тверскій архіерей здѣсь? У васъ одно дѣло?»—Одно, по доносу Рѣшилова; все за «Камень Вѣры».—Слышалъ, слышалъ, говорилъ Аввакумъ;—ужь не говори. И махнетъ рукой.—Аввакумъ хвалился, что къ нему милостивъ Леонидъ епископъ Сарскій, и надѣется чрезъ его стараніе скоро получить свободу. Маевскій отвѣчалъ на это, что у него нѣтъ защитника, а Ѳеофанъ, впрямь заѣстъ

его за то, что наговорилъ на него Рѣшиловъ. Судьба однако жь поравняла ихъ. Въ 1736 г. 23 іюня (по дѣлу Маевскаго) лишили его монашества и съ мірскимъ именемъ Алексѣя Львова отправили въ т. к. Три года держали его въ казаматѣ, мучили допросами и очными ставками, а можетъ-быть и чѣмъ похуже. Наконецъ, разобравши дѣло, тайная канцелярія опредѣлила, 1739 г. августа 8: «Такъ какъ противнаго умысла и злости за нимъ не оказалось, а все учинилъ онъ (т. е. разговаривалъ съ Маевскимъ про его бѣду) съ простоты своей, то бить его за это, вмѣсто кнута, плетьми и сослать въ монастырское братство, куда синодъ назначитъ».

Заходили къ Маевскому и синодскіе чиновники-канцеляристы. Маевскій не скупился, подносилъ имъ водочки и пивца. Бѣдные попали потомъ въ тайную канцелярію за эти визиты.

Больше всѣхъ пострадалъ канцеляристъ Якимъ. Онъ переписывалъ дѣло Маевскаго, а потому неудивительно, что Маевскій за нимъ ухаживалъ; а тотъ былъ человѣкъ семейный, жена, малые ребятишки... Онъ сообщалъ Маевскому о ходѣ дѣла, о показаніяхъ Рѣшилова, въ чемъ онъ винится и въ чемъ запирается, какіе вопросы будутъ дѣлать ему и когда будутъ очныя ставки. Иногда предупреждалъ его: «Поопасись, не пей вина; сегодня тебѣ будетъ съ Рѣшиловымъ очная ставка.» А бороться съ Рѣшиловымъ на очной ставкѣ было трудновато: тотъ напускался, какъ звѣрь и не давалъ спуску никому. Вологодскій архіерей Амвросій, пріѣзжая домой изъ собранія, говаривалъ своему келейнику, племяннику Маевскаго: «Ну, Андрей, Рѣшиловъ совсѣмъ загонялъ твоего дядю.»

Не понимая нѣкоторыхъ вопросовъ, Маевскій спрашивалъ

у Филиппова: «Умилосердись, скажи Бога ради! о какомъ это папиномъ письмѣ часто спрашиваетъ меня новгородскій архіепископъ?»—Не знаю, отвѣчалъ Филипповъ, у насъ такого письма въ коммиссіи не имѣется и намъ не отдано; развѣ не хранится ль у секретаря Муринова? Да они спрашиваютъ, сами не знаютъ чего.

За эту фамильярность и непозволительную откровенность съ колодникомъ Маевскимъ, Филипповъ пытанъ былъ въ застѣнкѣ, висѣлъ на дыбѣ и получилъ не одинъ десятокъ ударовъ; а наконецъ, 9 іюля 1738 г. вышло ему рѣшеніе изъ кабинета: «бить кнутомъ не щадно и сослать съ женою въ Иркутскъ, на житье вѣчно».

Вина Филиппова упала значительной долей на оберъ-секретаря Дудина, и секретаря Муринова, которые посвящены были во всѣ тайны Рѣшиловскаго дѣла. Огромный процессъ Дудина, производившійся сперва въ синодѣ, потомъ въ тайной канцеляріи, сплетается изъ такого множества отдѣльныхъ дѣлъ и разныхъ нитей, что нѣтъ возможности разобрать, что̀ въ немъ главное и что̀ побочное, съ чего онъ начался и что̀ вошло въ него потомъ при разслѣдованіи дѣла. Личныя отношенія съ Ѳеофаномъ играютъ и здѣсь не послѣднюю роль. Ѳеофанъ ввелъ его въ довѣренность, чтобы пользоваться разными мелкими и крупными его услугами по синодскимъ дѣламъ, смотрѣлъ сквозь пальцы на его грѣшки, даже льстилъ ему въ трудныя времена и пересылалъ подарочки... Дудинъ, въ свою очередь, ловко исполнялъ его порученія, и понимая значеніе его въ синодѣ, бралъ все больше и больше смѣлости, помыкалъ прочими членами, располагалъ синодскими дѣлами по своему усмотрѣнію, держалъ на откупѣ монастыри, обдѣлывалъ дѣла провинившихся архіереевъ и архимандритовъ, наживался, тучнѣлъ и мало-по-малу

изъ канцелярскаго писца превратился въ разжирѣвшаго барина. Забывшись и зазнавшись, Дудинъ началъ обманывать и Ѳеофана въ дѣлахъ, на которыя тотъ истрачивалъ всю свою жизнь. Обманъ не могъ идти дальше.

До государыни стали доходить слухи, что служитель ростовскаго архіерея Іоакима, Никифоровъ, обираетъ епархію. Государыня поручила Ѳеофану развѣдать объ этомъ по искусней безъ обиды для епископа, пока не откроется вины съ его стороны. Ѳеофанъ поговорилъ съ Дудинымъ. Тотъ сначала сказалъ, что въ Ростовѣ у него никого нѣтъ знакомаго; а потомъ далъ мысль написать къ своему брату, служившему приказнымъ при суздальскомъ архіерейскомъ домѣ,— братъ все развѣдаетъ о Никифоровѣ и къ нему отпишитъ. Ѳеофанъ согласился.—Что̀ же сдѣлалъ Дудинъ? Рука руку моетъ, говоритъ пословица; а рука Никифорова очень ему знакома и дорога̀. Онъ послалъ къ брату письмо и *проектъ* его *отвѣта* о Никифоровѣ.

Прежде ему сходили съ рукъ подобныя продѣлки. Когда надо было провѣдать о житьѣ Дашкова въ Спасо-Каменскомъ монастырѣ, и строго ли наблюдаетъ за нимъ вологодскій епископъ Аѳанасій Кондоиди, Дудинъ посылаетъ къ его секретарю довѣреннаго человѣка и, по порученію Ѳеофана, къ нему пишетъ одно, а къ самому архіерею *другое*, и получаетъ за это хорошія деньги. Теперь это не удалось.

А ужь какъ уличили въ одномъ, такъ добрались до всего. Тутъ вплелось и Рѣшиловское дѣло и, по важности, въ числѣ преступленій Дудина поставлено на первомъ мѣстѣ: «Имѣвшееся въ синодѣ великоважное извѣстное о разстригѣ Иванѣ Рѣшиловѣ дѣло, которое велѣно ему Дудину содержать въ особливомъ своемъ смотрѣніи и секретѣ,—не только въ такомъ секретѣ (онъ. Дудинъ) не содержалъ, но безъ при-

казанія собою допустилъ къ произвожденію онаго дѣла синодальныхъ служителей, которымъ ни письменно, ни даже словесно не было подтверждено, чтобы содержать это дѣло въ особливомъ секретѣ; изъ которыхъ допущенныхъ имъ, Дудинымъ, служителей, бывшій канцеляристъ Якимъ Филиповъ разстригѣ Маевскому сказывалъ о нѣкоторой матеріи того дѣла, и о томъ, въ чемъ Рѣшиловъ съ розыску не винится, какъ о томъ по слѣдствію ясно показалось.»

Дудина судили и пытали страшно; со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ мѣстъ потребованы были, съ угрозою, счеты взяткамъ: кто, когда, сколько и за что̀ далъ ему деньгами и вещами— все вывели наружу. Дудинъ въ иномъ запирался, а во многомъ прямо сознавался. «Я не просилъ; давали въ почетъ и я бралъ.» По дѣлу однакожь оказалось, что не всѣ давали сами, многіе уступали требованію, насилію

Въ 1738 г. 4 декабря состоялся въ кабинетѣ указъ, рѣшившій судьбу Дудина: «за показанныя вины его учинить ему политическую смерть, бить публично кнутомъ нещадно и послать его въ вѣчную ссылку въ Сибирь за надлежащимъ карауломъ; вотчину его въ московскомъ уѣздѣ, село Аристово, отдать въ вѣдомство коллегіи экономіи, а дворы, продавъ настоящею цѣною, заплатить изъ нея долги, кому чѣмъ онъ долженъ былъ». Жена его скончалась во время процесса, сыновья отданы на воспитаніе въ невскую семинарію. Остались еще двѣ дочери въ совершенномъ возрастѣ. Какая была судьба ихъ,—неизвѣстно.

Съ Муринова, за то же послабленіе Филиппову, вычли въ пользу кабинета половину годоваго жалованья.

IV.

Манифестъ правительницы Анны возвратилъ этимъ несчастнымъ свободу.

Θеофилактъ освобожденъ изъ крѣпости 31-го декабря 1740 года. «Всѣ удивились этому, пишетъ одинъ изъ современниковъ, потому что считали его ужь мертвымъ, а онъ вдругъ явился живымъ.» Послѣ такихъ страданій и по лишеніи знаковъ архіерейскаго сана, онъ снова принялъ ихъ, съ почтеніемъ, отъ св. синода. Когда изъ казармы взяли его на новгородское подворье и очистили отъ загрубѣвшей на немъ грязи, тогда самъ преосвященный Амвросій, архіепископъ новгородскій, со слезами участія снова возложилъ на него знаки монашескаго и архіерейскаго чина. Посѣтила его тутъ и цесаревна Елизавета Петровна, и спрашивала: знаетъ ли ее? Онъ сказалъ: знаю, что ты искра Петра Великаго. Цесаревна, отвернувшись, прослезилась и пожаловала ему на лекарство триста рублей. Но уже больной такъ, что не могъ почти говорить, ни на постели перевернуться, онъ на томъ же подворьѣ скончался 1741 года 6 мая, и 8-го числа погребенъ въ Невскомъ монастырѣ. Амвросій, архіепископъ новгородскій писалъ къ тверскому епископу Митрофану, дабы усопшаго въ Бозѣ Θеофилакта архіепископа вписалъ съ прочими православными архіереями въ диптихъ.

Современники, русскіе и иностранцы, отзываются съ величайшимъ почтеніемъ объ умѣ и особенно о нравственномъ характерѣ Θеофилакта. «Предобрый сей архіерей, пишетъ о немъ Евдокимовъ, истинно предобрый; ибо согласовалъ жизнь съ словомъ и ученіемъ апостольскимъ (1 посл. къ Тим., гл. III.) Упражняясь въ проповѣди слова Божія, онъ сочинялъ книги противъ раскольниковъ и иновѣрцевъ лютеранъ и кальвиновъ. Нравомъ былъ кротокъ, снисходителенъ и доступенъ. И сколько былъ кротокъ, столько жь и нестяжателенъ. Купивши мызу Степаново, въ 40 верстахъ отъ С.-Петербурга на свои келейныя деньги, онъ отдалъ ее потомъ въ тверской

архіерейскій домъ. До лишнихъ строеній и банкетовъ никогда не былъ охотникъ, развѣ по нуждѣ. Былъ милостивъ къ неимущимъ. Во время голода при крайней дороговизнѣ хлѣба онъ своими келейными деньгами ссужалъ своихъ бѣдныхъ крестьянъ, и раздавалъ имъ хлѣбъ даромъ. Когда же минуло голодное лѣто и настало обильное, принесли къ нему записныя книги, кому сколько дано было хлѣба, и докладывали: не прикажешь ли этотъ хлѣбъ отобрать? преосвященный Ѳеофилактъ, взявши книги, бросилъ въ печь въ огонь.»

«Ученый кругъ, писалъ иностранецъ Фендербургъ, уважаетъ Ѳеофилакта Лопатинскаго, епископа тверскаго. Этотъ человѣкъ самаго многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, которою занимался очень прилежно и съ большимъ успѣхомъ... А его непоколебимая честность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни напоминаетъ собой золотой вѣкъ.»

О прочихъ содержавшихся въ крѣпости страдальцахъ и преступникахъ Рѣшиловскаго дѣла состоялся высоч. указъ (20 декабря 1740 г.), которымъ повелѣвалось: и Маевскому, Рѣшилову, Якову Ясинскому, Василью Козменкѣ и Масалаеву, хотя они и виновны явились, вины ихъ отпустить и разослать ихъ въ разные монастыри, именно разстригъ: Маевскаго, Рѣшилова и Ясинскаго въ братство, а Козменку и Масалаева на пропитаніе, и быть имъ въ тѣхъ монастыряхъ неисходно». Тайная канцелярія, по обычаю, обязала ихъ подпиской: «о чемъ они въ тайной канцеляріи спрашиваны и что на то показали, о томъ имъ разговоровъ ни съ кѣмъ никогда не имѣть и ни подъ какимъ видомъ отнюдь не разглашать; а ежели они о томъ съ кѣмъ имѣть будутъ разговоры или хотя мало о чемъ станутъ разглашать, и въ ономъ отъ

кого будутъ обличены, и за то учинена имъ будетъ смертная казнь». (Высоч. ук. 7 янв. 1741 г.)

Св. синодъ послалъ Козменку въ Каменскій, а Масалаева въ Кирилловъ Новоезерскій монастырь.

Давыдовъ ужь усланъ былъ въ Сибирь и потому не попалъ въ этотъ указъ. Синодъ и тайная канцелярія забыли о немъ. Но манифестъ правительницы возвратилъ и его изъ ссылки (15 дек. 1741 г.)

О Филипповѣ провѣдалъ преосвященный Иннокентій, епископъ иркутскій, и въ 1742 г. 16 янв. послалъ въ тайную канцелярію донесеніе, что въ домѣ его архіерейскомъ, за новость епархіи, имѣется въ приказныхъ служителяхъ нужда и въ отправленіи епаршескихъ дѣлъ остановка, а увѣдомился онъ, что въ вѣдомствѣ его живетъ бывшій синодскій канцеляристъ Якимъ Филипповъ, сосланный за вины. Иннокентій просилъ его къ себѣ, на основаніи высочайшаго указа о неизвѣстныхъ ссыльныхъ. Тайная канцелярія передала просьбу въ синодъ. Иннокентій содержалъ его, съ женою и малыми ребятишками, ради имени Божія, на своемъ коштѣ.

Дудинъ возвращенъ изъ Тобольска, по манифесту Елисаветы Петровны, 10 февраля 1741 г. Ему дозволено жить въ Москвѣ, или гдѣ пожелаетъ.

П. Малиновскій, по возвращеніи изъ Сибири, въ 1742 г. посвященъ во епископа крутицкаго. Скончался въ 1754 г. архіепископомъ московскимъ (*).

Мы дошли до конца Рѣшиловскаго дѣла. Но развязали ль

(*) За исключеніемъ особо указанныхъ источниковъ все прочее изъ дѣлъ тайной канцеляріи о Ѳ. Прокоповичѣ.

узелъ, связавшій это множество лицъ, эту массу допросовъ, показаній, очныхъ ставокъ, пытокъ, истязаній? Что̀ такое было Рѣшиловское дѣло? Какъ оно возникло и сложилось, и почему получило государственный характеръ? За что̀ пытали и мучили столько лицъ? Какую тайну хотѣли отъ нихъ вывѣдать? Какой злой умыселъ подавить?

Читатели Рѣшиловскаго дѣла знаютъ, что оно началось съ пасквиля, пущеннаго въ видѣ письма отъ папы къ Ѳеофану. Вотъ это безграмотное письмишко:

«Наимилскому сыну нашему Ѳ. П., писалъ Бенедиктъ, зу ласки Божіей, папа стараго Рима, ангельскаго престола и нашей можности благословенство! Дзенкую за твое написаніе, полученное въ Римѣ 22 августа и сего року, по которому извѣстихомся, аще и отъ союзниковъ нашихъ, что ты въ Россіи день отъ дня въ ласку царскую успѣваешь, и уже на мѣстѣ кардинала засѣдаешь, притомъ прошу, милый сыну мой, не запомни обѣщанія своего, како входя въ школы наши, святому Петру и намъ клянулся за отеческую свою вѣру поборять, на восточную же ратовать. Разсмотри, коханый мой, лучше не обѣщатися, нежели обѣщавшу не исправлятися. Нынѣ время благопріятно, нынѣ день надежды нашея: ибо царь московскій отеческіе свои законы поламалъ и весьма преклоненъ въ нѣмецкіе законы. Сіе содѣяся чрезъ прилежное трудолюбіе добраго нашего союзника и всей западной церкви благодѣтеля, господина Лефорта, который за молитвами святаго костела, въ великой тогда милости у государя московскаго былъ. И хотя едино противно костелу учинено, но изъ того всему Западу потребность и доброе поспѣшеніе произыде: егда законную свою царицу нуждою послалъ до кляштора, а въ тоя мѣсто поялъ въ другую, отъ исповѣданія лютерскаго; и за просьбу тоя: патріарху уже

въ Россіи быть не велѣлъ; сына своего отъ свободныя рожденнаго, въ греческомъ исповѣданіи обученнаго, убилъ до смерти... Которыя три главизны въ настоящемъ дѣлѣ нашемъ великіе были помѣшатели: патріархъ сильный въ догматахъ, царица—едино тѣло, сынъ—естество любительное. Нынѣ же къ тому никто противу говорить не смѣетъ, ибо ясно слышимъ, что оный государь вѣрнаго своего служителя, нашего благодѣтеля, господина Лефорта, вписалъ въ вѣчнодостойную себѣ жалость и прошеніе его содержитъ въ неусыпной памяти. Паче же другой жены своей, чрезъ которые отеческіе ему уставы тако омерзели, что ни слышати про тѣхъ хощетъ. А понеже улюбилъ лютеранскую вѣру, того ради и жестокаго греческаго правила, на посредствѣ нашего исповѣданія легко удержать возможно. Гнусно бо намъ еще едино, какъ слышимъ, что злѣйшіе наши непріятели, патріархи восточные, въ Россіи изъ диптиховъ церковныхъ еще не выключены. Ты же пребывай и успѣвай, въ немъ же наученъ еси: потщися извѣстно твое званіе сотворити, да будетъ слово твое солью растворено. Здравствуйте. Писано въ Римѣ, ноября въ 25 д. 1718 року.» (*)

Кто бы ни былъ сочинитель этого письма, намъ все равно. Да и по дѣлу не открылось настоящаго виновника этого пасквиля. Подозрѣніе пало на двухъ лицъ—Рѣшилова и Маевскаго, и держалось за нихъ до конца процесса.

Ѳеофанъ и тайная канцелярія разумѣли, что это дѣло цѣлой факціи, цѣлаго тайнаго общества, *склоннаго къ возбужденію бунта.*

Чего жь хотѣло это quasi-мятежное общество? Чѣмъ оно запугало министровъ императрицы Анны?

(*) Г. Семевскаго, „Сторонники царя Алексѣя.“ Ст. 1, пр. 93 (въ «Библіотекѣ для Чтенія»).

Гласно выраженное недовольство образомъ дѣйствій Ѳеофана, уничтоженіемъ патріаршеетва, изданіемъ духовнаго регламента, множествомъ разныхъ отмѣнъ по церковнымъ дѣламъ въ духѣ Петровской реформы, изданіемъ благопріятныхъ ей книгъ, не возбудило бы такихъ преслѣдованій, если бы судьи не подозрѣвали тутъ государственныхъ замысловъ и преступленій.

У страха глаза велики. А императрица Анна постоянно окружена была разными страхами. Съ одной стороны Остерманъ, съ другой Ѳеофанъ, желая показать свою особливую вѣрность къ государынѣ, непрестанно пугали ее бунтами и мятежами. И какъ легко имъ было выставить кого угодно государственнымъ преступникомъ, такъ трудно было обвиненному оправдаться въ своемъ преступленіи и вырваться изъ желѣзныхъ объятій тайной канцеляріи. И гибли несчастныя жертвы подозрѣнія и ложныхъ доносовъ десятками, сотнями, тысячами.

Самыя мелкія вины и неважные проступки возводились въ государственныя преступленія по первымъ пунктамъ. И посмотрите, какъ доискиваются до нихъ, когда они нужны кому-нибудь! «Не былъ ли ты, отецъ твой, изъ родных кто-нибудь, въ стрѣльцахъ? Былъ ли у присяги?» (*) Если духовное лицо:—«Всегда ли служилъ табельные молебны и панихиды?» Если членъ какого-нибудь духовнаго суда: «Почему, зная о винахъ, не доносилъ, или не судилъ, или и судилъ—не такъ скоро? Какъ смѣлъ говорить и разсуждать съ преступникомъ, съ его родственниками, съ женою, съ дѣтьми? Не бралъ ли у него книгъ, ему не давалъ ли»? Мы можемъ представить вамъ сотни примѣровъ, что именно за это судили, и присуждали—къ чему вы думаете?—къ кнуту, къ урѣзанію языка, къ ссылкѣ въ Сибирь! Не всякое дѣло

такъ громадно, какъ Рѣшиловское, по его продолжительности и по числу жертвъ замученныхъ, но всѣ на одинъ ладъ. Чѣмъ больше преступниковъ, тѣмъ больше чести слѣдователю экое скопище открылъ!

Въ частности, объ Рѣшиловскомъ дѣлѣ можно сказать, что оно было протестомъ противъ Петровской церковной реформы. И такъ какъ Ѳеофанъ, по смерти Петра, долженъ: былъ выносить на себѣ, на своихъ плечахъ, эту реформу: то, чтобы облегчить и обезпечить себѣ борьбу съ оппозиціею, онъ придалъ ей государственный характеръ. Возбужденныя имъ, на счетъ ея, подозрѣнія пришлись ко времени, и началась переборка, и продолжалась цѣлыя десять лѣтъ.

Впрочемъ мы должны оговориться предъ читателями, что Рѣшиловское дѣло не представляло собою всей оппозиціи Ѳеофану, по смерти Петра. Главнымъ вождемъ правильной, систематически-расчитанной оппозиціи противъ Ѳеофана былъ товарищъ его по академіи, архим. Маркеллъ Родышевскій, преслѣдовавшій его съ фанатическою настойчивостію. Ѳеофанъ и тайная канцелярія сливали оба эти дѣла въ одно и за преступленія Родышевскаго общества, по соприкосновенности лицъ и общности интересовъ, винили и наказывали союзниковъ Рѣшиловскаго дѣла. Рѣшиловское дѣло относится къ дѣлу Родышевскаго только какъ эпизодъ...

(*) «Охъ, эта присяга, говорилъ народъ въ царствованіе Анны, много людей поѣла!»

LB My '09

LIBRARY OF CONGRESS
0 028 310 055 8